

ИЗЪ ТОЙ ЖЕ СЕРИИ

СОКОЛОВЪ. СОВРЕМЕННАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Лучшая форма государственного устройства это та которая въ данное время, при данныхъ условияхъ, наиболее соответствуетъ культурному, социальному экономическому и политическому состоянию даннаго государства

ПОНТОВИЧЪ РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИИ И УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

„Самая сущность современной демократии заключается въ установлении правовой возможности для широкихъ слоевъ народа окончательно разрѣшать основные вопросы государственной жизни Главнѣйшіе вопросы государственной организаціи от ношение государства къ личности, все, что составляетъ конституцію въ матеріальномъ смыслѣ слова не можетъ находиться внѣ предѣловъ рѣшающаго влияния народа“

ФАРМАКОВСКІЙ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХЪ АѢИНЪ

Художественный идеалъ середины V вѣка до Р Хр , какъ это ни странно можетъ показаться на первый взглядъ, представляетъ глубокий интересъ въ настоящій моментъ кореннаго переустройства нашей жизни революціей и грознаго кризиса который мы переживаемъ вмѣстѣ со всѣми другими народами мира, объятаго пламенемъ отчаянной борьбы за существованіе за свое мѣсто подъ солнцемъ

≡ ОБЩЕСТВОВЪДЪШЕ ≡

Е. В. СПЕКТОРСКИЙ

ГОСУДАРСТВО

ИЗДА ~ ВО
„ОГНИ“

ПЕТРОГРАДЪ
I 9 I 8

Рисунокъ обложки и заглавной страницы исполненъ художникомъ
Д. И. МИТРОХИНЫМЪ

1-во Р. Голикъ и А. Вильборгъ Петроградъ Звенигородская, 11

Оглавление.

	СТР
1. Понягіе и значеніе государства	1— 5
Повсемѣстность государства. Анархизмъ Государство и культура	
2 Элементы государства	5 - 7
Населеніе (древность) Территорія (средне вѣка) Власть (новое время)	
3. Территорія	8 -12
Частная собственность государя Публичная собствен- ность государства. Среда господства государствен- ной власти. Территорія въ международномъ правѣ	
4 Населеніе.	12—17
Подданные Граждане Вѣроисповѣдныя, національныя и классовыя различія.	
5 Власть	17—21
Верховенство. Авторитетъ и сила. Власть Божіею ми- лостью, самодержавная и волею народа.	
6 Происхожденіе государства	21—25
Легенды и наука Государство родовое, жреческое и завоевательное.	
7 Задачи государства	25—29
Природа. Богъ Человѣкъ. Земное счастье Вѣчное блаженство. Государство политическое, полицей- ское, правовое, социально-политическое	

	СТР.
8. Конституціонное государство	29—34
Понягіе конституціи. Самодержавное и лжеконституціонное государство. Противники конституцій.	
9. Виды конституцій	34 39
Неписанныя и писанныя; англійскій парламентаризмъ. Пожалованныя и усановленныя волею народа. Твердыя и гибкія.	
10. Политическая свобода	39—43
Свобода стихійная и правомѣрная. Свобода гражданская и политическая (отрицательная и положительная). Концессионный и явочный порядокъ.	
11. Политическое равенство	43—46
Сущность равенства. Аристократія. Политическая демократія. Соціальная демократія.	
12. Политическое братство	46—47
Надежды и разочарованія.	
13. Раздѣленіе властей	48—50
Происхожденіе и судьба раздѣленія властей. Власть судебная, исполнительная и законодательная.	
14. Парламентаризмъ	50—53
Отвѣтственное министерство. Судебная и политическая отвѣтственность. Общественный контроль.	
15. Прямое народоправство	53 56
Античный міръ. Швейцарія. Народная инициатива и референдумъ.	
16. Глава государства.	56—62
Монархъ вотчинный, самодержавный, конституціонный. Дуалистическая и парламентарная монархія. Президентъ республики при раздѣленіи властей и парламентаризмъ. Американскій и французскій порядокъ избранія президента. Срокъ избранія.	
17. Правительство	62—67
Устройство и управление. Министръ —приказчикъ, чиновникъ и отвѣтственный политикъ. Конституціонный министр. Его власть въ Англии.	

	стр.
18. Администрація	67—69
Кормленіе. Служба лицамъ, государству и обществу.	
19. Народное представительство	69—78
Происхождение представительныхъ учреждений. Представительство индивидовъ, партій и реальныхъ интересовъ. Число палатъ. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе. Избраніе по округамъ и спискамъ.	
20. Политическія партіи.	78—84
Представительство и партіи. Партіи лицъ, убѣжденных и интересовъ. Общественное значеніе партій. Партіи и парламентаризмъ.	
21. Самоуправленіе	84—87
Общественное и государственное самоуправленіе. Автономія областная и національная: персональная и территориальная. Т. н. самоопредѣленіе народностей.	
22. Сложныя государства	87—89
Унія Конфедерация. Федерация.	
23. Имперіализмъ.	89—96
Имперіализмъ экономическій, религиозный, политическій.	

1. Понятіе и значеніе государства.

Когда мы говоримъ „государство“, мы представляемъ себѣ три вещи: во-первыхъ, опредѣленную землю или территорію, во-вторыхъ, живущее на этой землѣ населеніе и, наконецъ, въ-третьихъ, власть, которой повинуются население на этой землѣ. Если недостаетъ какого-нибудь изъ этихъ трехъ элементовъ, то нѣтъ и государства. Такъ, напримѣръ, евреи, разсѣявшіеся по всему міру послѣ потери собственной территоріи, уцѣлѣли какъ народъ, но уже не образуютъ государства. Дружины и племена, переходившія съ мѣста на мѣсто въ поискахъ прочной осѣдлости во время т. н. великаго переселенія народовъ, еще не образовали государствъ: были племена, была власть тѣхъ или иныхъ вождей, которымъ племена повиновались, но не было территорій; только тогда, когда эти племена прочно осѣли, образовались и государства. Никѣмъ не обитаемая и никакой власти не подчиненная страна тоже не образуетъ государства. Не образуетъ его и такая власть, которая не распространяется ни на какія территории и не обязательна ни для какого населенія; въ этомъ смыслѣ власть современныхъ римскихъ папъ является государственною не по отношенію ко всему католическому міру, а исключительно для оставленныхъ имъ въ городѣ Римѣ на правахъ свѣтскихъ владѣній двухъ дворцовъ съ прилегающими садами, болѣе славящихся численностью комнатъ, чѣмъ обиліемъ населенія.

Такіе случаи неполной государственности встрѣчаются совсѣмъ рѣдко, особенно въ настоящее время. Теперь, можно сказать, почти весь земной шаръ состоитъ изъ государственныхъ территорій. Равнымъ образомъ и все человѣчество уже болѣе или менѣе распредѣлено по территоріямъ. И, наконецъ, всюду имѣется такая публичная власть, которой повинуются населеніе данной территоріи. Иными словами, вся наша земля покрыта государствами. Они могутъ усиливаться, ослабѣвать, соединяться, распадаться. Но несмотря на это вся наша жизнь, какъ личная, такъ и публичная, протекаетъ въ томъ или иномъ государствѣ. И жизнь человѣка безъ государства можно себѣ представить только мысленно, въ мечтахъ. Это понималъ еще до Рождества Христова древній греческій философъ Аристотель. Человѣкъ,—увѣрялъ онъ,—это существо политическое по самой своей природѣ. И внѣ государства, думалось ему, могутъ жить только боги или звѣри: первые потому, что они уже не нуждаются въ государствѣ, вторые потому, что они еще не нуждаются въ немъ. Такъ разсуждалъ древній язычникъ, ограничивавшій еще государство предѣлами нашей земной жизни. Мы теперь идемъ дальше, чѣмъ онъ: вѣрующіе христіане, не удовлетворяясь земными государствами, надѣются еще на царство Божіе, или небесное, и посвящаютъ прочее время живота нашего въ государствѣ земномъ приготовленіямъ къ вѣчной жизни въ загробномъ государствѣ; люди образованные говорятъ еще о царствахъ животномъ, даже растительномъ и минеральномъ, какъ будто животныя, растенія и камни, поскольку они подвластны своимъ естественнымъ законамъ, тоже образуютъ какія-то государства. Это показываетъ, до какой степени намъ трудно представить себѣ жизнь или порядокъ безъ государства.

И тѣмъ не менѣе есть люди, которые убѣждены,

что въ государствѣ нѣтъ необходимости и что человѣчество жило бы лучше, если бы не было совсѣмъ государствъ. Это—анархисты, сторонники анархїи, буквально безвластія, безначалія. Они видятъ, что самое главное въ государствѣ это не столько территория или населеніе, сколько власть. Сущность же власти состоитъ въ томъ, что одни люди приказываютъ, запрещаютъ и разрѣшаютъ, а другіе имъ повинуются. И вотъ анархисты видятъ въ этомъ зло, насиліе надъ свободою человѣческой личности. Ихъ идеаль—полная независимость каждаго человѣка, дающая ему возможность дѣлать рѣшительно все, что ему заблагоразсудится. На вопросъ о томъ, что же должно получиться, если каждый начнетъ руководиться только своею волею, даже произволомъ или капризомъ, анархисты отвѣчаютъ различно, въ зависимости отъ того, какъ они смотрятъ на человѣческую природу. Одни полагаютъ, что человѣкъ по своей природѣ есть существо доброе, никому не желающее зла и склонное даже къ самопожертвованію, тѣмъ болѣе къ взаимопомощи. И сообразно съ этимъ они думаютъ, что если предоставить каждаго человѣка самому себѣ, то вмѣсто государства, основаннаго на принужденіи, мы получимъ общество, основанное на взаимной симпатїи и сознанин долга. Другіе анархисты не отрицаютъ эгоистическихъ наклонностей у людей, въ силу чего безъ внѣшняго принужденія почти каждый помышляетъ только о самомъ себѣ и никто о другихъ. И сообразно съ этимъ они понимаютъ, что безгосударственное состояніе должно привести къ торжеству эгоизма и силы. Но они не смущаются этимъ, ибо полагаютъ, что такъ именно и должно быть.

Таковы доводы анархизма. По поводу первой его разновидности слѣдуетъ замѣтить, что какъ ни привлекательна та картина анархїи, которую онъ рисуетъ, она является не болѣе какъ утопїею, т. е. мечтою о небы-

валомъ, столь же наивною и неосуществимою, какъ и благодушныя фантазіи Манилова въ „Мертвыхъ душахъ“ у Гоголя. Что касается второй разновидности, то она, конечно, очень далека отъ политической маниловщины. Но, собственно говоря, она ведетъ не къ анархіи, т. е. отсутствію какого бы то ни было господства однихъ людей надъ другими, а къ господству, и притомъ въ самой его худшей формѣ, когда господство основано не на правѣ, а на силѣ. Когда господствующихъ или, вѣрнѣе, желающихъ господствовать много, тогда идетъ борьба за власть. Когда же болѣе или менѣе прочно укрѣпляется господство одного или цѣлой группы, тогда устанавливается власть, иными словами, устанавливается и государство. Такимъ образомъ, даже и анархисты не могутъ уйти отъ государства.

Все человѣчество живетъ и развивается въ рамкахъ той или иной государственности. Съ измѣненіемъ этихъ рамокъ измѣняется и участь человѣчества. Совершенствуется государство—улучшается и общая доля населенія. Ухудшается государство—это немедленно отзывается на судьбѣ всего населенія. Вотъ почему чѣмъ сознательнѣе люди относятся къ условіямъ своей жизни, тѣмъ болѣе они работаютъ надъ своимъ государственнымъ бытомъ. Сознательная работа людей надъ тою или иною стороною ихъ жизни именуется культурою, буквально, воздѣлываніемъ. Люди воздѣлываютъ, какъ поле, свой собственный духъ; и тогда они создаютъ и развиваютъ духовную культуру (религію, науку, искусство). Воздѣлывая физическую природу, они развиваютъ матеріальную культуру (технику въ широкомъ смыслѣ). Воздѣлываютъ они и свое общежитіе, развивая культуру социальную (правовой, государственный и хозяйственный бытъ). Чѣмъ выше культура, тѣмъ чловѣкъ свободнѣе, ибо онъ освобождается отъ троякаго рабства—духовнаго, матеріальнаго и социальнаго. И вотъ

государство является тою средою, въ которой человѣкъ развиваетъ свою социальную культуру и цивилизуется, т. е. совершенствуетъ свою гражданственность, освобождаясь отъ социального рабства. Кому дороги блага культуры и цивилизации, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ вопросамъ государственнаго строительства, тотъ ищетъ свободу въ государствѣ и черезъ государство.

2. Элементы государства.

Элементами, т. е. основными составными частями каждаго государства являются территорія, населеніе и власть. Какъ ни необходимы всѣ эти элементы для всякаго государства, каждый изъ нихъ въ тѣ или инья эпохи то выдвигается впередъ, то отступаетъ на задній планъ. Такъ, на примѣръ, до Рождества Христова у грековъ и римлянъ самымъ характернымъ для государства было населеніе. При мысли о государствѣ древній грекъ или римлянинъ представлялъ себѣ не географическую карту съ тѣми или иными очертаніями и не то или иное правительство, а народъ. Сообразно съ этимъ говорили не „Аѳины“, „Спарта“ или „Римъ“, какъ это мы дѣлаемъ теперь, а „аѳиняне“, „спартанцы“, „римляне“. Государство у римлянъ именовалось *civitas*, что значитъ, буквально, гражданство, совокупность гражданъ (отъ *civis*, гражданинъ). О территоріи, т. е. части земного пространства, при этомъ такъ же мало думали, какъ мало мы думали еще недавно, до развитія воздухоплаванія, о части воздушнаго пространства какъ принадлежности государства. Казалось столь естественнымъ, что люди живутъ на своей землѣ, изъ которой они, согласно одной греческой легендѣ, даже выросли, какъ пшеница; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда люди жили на чужой землѣ, въ качествѣ пришлыхъ завоевателей, какъ, на-

примѣръ, спартанцы среди періэковъ (буквально, кругомъ живущихъ) и илотовъ, они именовали себя коренными или „самоземельными“ (автохтонными) жителями страны, которые послѣ дальнихъ странствованій будто бы возвратились къ себѣ на родину (такова спартанская легенда о „возвращеніи“ Гераклидовъ). Вопросъ о территоріи еще не былъ вопросомъ. Не выдвигался специально и вопросъ о власти, какъ таковой. Государственная власть принадлежала всѣмъ свободнымъ гражданамъ, т. е. населенію, которое и осуществляло ее или путемъ непосредственнаго народоправства, или же путемъ болѣе или менѣе срочнаго избранія должностныхъ лицъ. Словомъ, государство было тамъ, гдѣ были граждане. А для того, чтобы быть гражданиномъ, надо было только, какъ объяснялъ Аристотель, быть участникомъ народнаго собранія и народнаго суда.

Въ средніе вѣка выдвинулось понятіе территоріи. И это произошло вполне естественно. Средневѣковыя государства возникли благодаря т. н. переселенію народовъ. Переселявшіяся дружины и племена теряли уже связь съ родною землею. Это отразилось даже на нѣкоторыхъ названіяхъ этихъ племенъ. Такъ, на примѣръ, названіе аллемановъ производилось отъ *alle*, что значитъ „всѣ“, „всякіе“, и *Maip*, что значитъ „человѣкъ“, и означало какъ бы смѣшеніе людей всякаго рода и племени, названіе швабовъ производилось отъ *schweben*, что значитъ „качаться“, „перемѣщаться“. Племена передвигались съ мѣста на мѣсто въ поискахъ желанной, хотя и не обѣтованной новой земли. Передвигались иногда съ большою быстротою черезъ большія пространства. Такъ, на примѣръ, готы въ концѣ IV вѣка послѣ Р. Хр. были еще на Балканахъ, на крайнемъ востокѣ Европы. Въ 410 году они очутились уже въ Италіи и захватили на время Римъ. А спустя два

года они очутились уже въ Испаніи, на крайнемъ за падѣ Европы, и тамъ, наконецъ, образовали осѣдлое (т. н. вестготское) государство. Средневѣковое государство возникло благодаря завоеванію земли и посему именовалось землею (terra, Land). Франція—это бывшая Галлія, ставшая землею франковъ, германскаго племени, пришедшаго изъ-за Рейна. Англія—это бывшая Британія, завоеванная пришлыми англами. Гдѣ земля, тамъ и государство. Завоеванное населеніе не имѣло самостоятельнаго значенія: оно приписывалось къ глыбѣ, прикрѣплялось къ землѣ; и, согласно феодальной поговоркѣ, одинъ уже воздухъ дѣлалъ крѣпостнымъ того, кто имъ дышалъ. Власть завоевателей тоже получалась черезъ землю, выводилась изъ землевладѣнія: ни одна земля безъ сеньера, безъ господина, гласила другая феодальная пословица. Благодаря всему этому именно территория являлась средоточіемъ государства.

Наконецъ, послѣ среднихъ вѣковъ такимъ средоточіемъ сдѣлалась власть. Это тоже произошло вполне естественно. Тогда именно въ большинствѣ европейскихъ государствъ появилась сильная самодержавная власть, подчинявшая себѣ и населенія и зѣмли. Она стала господствовать по собственному праву и требовать непрекословнаго повиновенія. Она была признана верховнымъ началомъ всякаго государства. Населенная страна безъ самодержавной („суверенной“) власти перестала считаться государствомъ. Собственно говоря, и донинѣ власть остается средоточіемъ государства, хотя въ странахъ европейской культуры она уже не самодержавна, а ограничена конституціями. Недаромъ, какъ мы видѣли, противники государства проповѣдуютъ анархизмъ, т. е. безвластіе, упраздненіе власти. Съ другой стороны всякаго рода попытки усовершенствовать государство являются вмѣстѣ съ тѣмъ и попытками реформы власти прежде всего и по преимуществу.

3. Территорія.

Государственная территорія можетъ разсматриваться съ троякой точки зрѣнія: или какъ частная собственность государя; или какъ публичная собственность государства или, наконецъ, какъ пространство, гдѣ собственность принадлежитъ только частнымъ лицамъ и по частному праву, и гдѣ государственная власть только господствуетъ.

Взглядъ на территорію какъ на частную собственность государя намъ теперь кажется недопустимымъ. Но въ теченіе среднихъ вѣковъ онъ считался вполне естественнымъ. Объясняется это завоевательнымъ происхожденіемъ средневѣковыхъ государствъ. Вождь дружины завоевателей становился собственникомъ завоеванной земли. Такъ, на примѣръ, явившійся изъ Франціи норманскій герцогъ Вильгельмъ Завоеватель превратилъ (во второй половинѣ XI вѣка) всю Англію въ свою собственность; и даже еще донинѣ въ Англіи право собственности на территорію числится въ спискѣ т. наз. прерогативъ, т. е. преимуществъ короля, хотя теперь оно, конечно, значитъ только на бумагѣ. Часть завоеванной земли князь оставлялъ себѣ въ удѣль. Другими частями онъ одѣлялъ своихъ дружинниковъ. Такимъ образомъ, княжество превращалось въ помѣстье или вотчину, и государственная власть сливалась съ властью землевладѣльца. Сообразно съ этимъ территорія вмѣстѣ съ прикрѣпленнымъ къ ней населеніемъ могла быть предметомъ дара, завѣщанія, наслѣдства и т. п. Такъ, на примѣръ, въ XII вѣкѣ значительная часть французской земли отошла къ Англіи только потому, что она составляла приданое королевы Элеоноры, вышедшей замужъ за англичанина Генриха Плантагенета. Такой взглядъ на территорію сохранялся еще и послѣ сред-

нихъ вѣковъ при доконституціонныхъ самодержавныхъ монархахъ. Еще въ XVIII вѣкѣ велись войны за испанское или австрійское „наслѣдство“, и Станиславъ Лещинскій за утрату польской короны былъ вознагражденъ Лотарингіею, а герцогъ Лотарингскій за уступку ему своей территоріи въ свою очередь былъ вознагражденъ Тосканою въ Италиі. При взглядѣ на территорію какъ на частную собственность никакъ нельзя было отдѣлить государства отъ государя, государственнаго блага отъ государева интереса: налоги шли въ пользу князя, управленіе странюю довѣрялось имъ его приказчикамъ и т. п. Государства, какъ чего-то такого, чему всѣ служатъ, даже и князь, еще какъ будто и не было совсѣмъ. Послѣдствіемъ такой удѣльной, или феодальной системы, особенно на западѣ Европы, было то, что почти ни у кого не было дѣйствительно полной и неограниченной власти надъ землею. Всякій мелкій помѣщикъ былъ какъ бы уже княземъ въ своихъ владѣніяхъ. Но онъ считался вассаломъ болѣе крупнаго землевладѣльца (барона, графа, герцога, князя), отъ котораго онъ получалъ свою землю какъ бы только условно, въ удѣлъ. Крупный сеньеръ, въ свою очередь, получалъ землю отъ короля, король—отъ императора. Императоръ же спорилъ съ папою относительно территоріальной власти надъ всѣмъ міромъ. И многіе рѣшали этотъ споръ въ томъ смыслѣ, что настоящаго собственника земли, всей державы, надо искать въ небесахъ, въ лицѣ Бога Вседержителя. Отсюда пошло то многоэтажное право собственности на землю, которое отчасти и донинѣ сохранилось въ видѣ всякаго рода чиншевыхъ и иныхъ отношеній.

Взглядъ на территорію какъ на публичную собственность государства появился тогда, когда закончилось собираніе феодальныхъ или удѣльныхъ земель въ обширныя государства съ сильною самодержавною

властью. Носители этой власти собирали земли сначала для самих себя, а затѣмъ также и для государства какъ такового. По мѣрѣ того какъ выяснилось, что не государство существуетъ для государя, а наоборотъ, выяснилось также и то, что территоріи принадлежать не царствующимъ лицамъ и ихъ родственникамъ, а государству. И вотъ стали различать частную и публичную собственность на землю. Первая принадлежитъ всѣмъ землевладѣльцамъ, въ томъ числѣ и монархамъ, поскольку имъ принадлежатъ имѣнія; сюда же стали относить и спеціально принадлежащія казнѣ земли. Вторая собственность принадлежитъ государству, какъ таковому. Сообразно съ этимъ, вмѣсто средневѣковаго многоэтажнаго землевладѣнія, вершина котораго терялась въ небесахъ, у престола Царя небеснаго, устанавливалась двухэтажная власть надъ землею. Первая, частная, принадлежитъ лицамъ, имѣющимъ земельные участки. Вторая, публичная, принадлежитъ самодержавному государству. И такъ какъ государство выше частныхъ лицъ, то эта вторая публичная собственность считалась высшею, верховною. По праву этой верховной собственности государство могло взимать налогъ съ земли, т. е. требовать у собственниковъ часть получаемыхъ ими доходовъ; оно могло производить принудительное отчужденіе земли. И такъ какъ при этомъ имѣлось въ виду именно государство, а не государь, то это право обосновывалось уже не хозяйственными надобностями государя, какъ въ средніе вѣка, а государственною необходимостью. Еще и теперь есть юристы, которые стоятъ именно на такой точкѣ зрѣнія. Убѣжденные, что всѣ вообще частныя права получаютъ отъ государства, они видятъ въ частной собственности на землю какъ бы даръ государства, которое одно является ея настоящимъ хозяиномъ. Съ этимъ связываются и соотвѣтственные проекты земельныхъ реформъ.

Многіе полагають, что на територію совсѣмъ не слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія землевладѣнія—частнаго ли или публичнаго, государева ли или государственнаго, безразлично. Одно дѣло землевладѣніе, другое дѣло государственная територія. Независимо отъ того, какъ рѣшается въ томъ или иномъ государствѣ земельный вопросъ, и даже рѣшается ли онъ вообще, нѣтъ и не можетъ быть ни одного государства безъ територіи. Посему значеніе територіи состоитъ не только въ томъ, что она даетъ государственной власти возможность такъ или иначе регулировать собственность, а въ томъ, что она вообще даетъ извѣстный просторъ для проявленія этой власти. Чтобы проявиться, чтобы дѣйствовать, власти необходимо время и пространство. Времени-то у нея всегда достаточно: если она не можетъ измѣнить прошлаго или настоящаго, то передъ нею будущее; и будущее безконечно. Зато пространствомъ она не безконечна. Нѣтъ такой власти, которая дѣйствовала бы на всей землѣ. Власти приходится дѣйствовать только на точно опредѣленной територіи. Но въ этихъ предѣлахъ она уже дѣйствуетъ полностью—и по отношенію къ землѣ, и по отношенію къ людямъ. Юристы говорятъ по этому поводу, что государству принадлежитъ власть не надъ територіею, а въ територіи

Необходимо замѣтить, что въ международныхъ, точнѣе, междугосударственныхъ отношеніяхъ територія еще и до сихъ поръ разсматривается, какъ собственность государства, которая можетъ быть предметомъ уступки, присоединенія (аннексіи), а иногда даже и продажи. Такъ, на примѣръ, послѣ войны 1864 года между Пруссіею въ союзѣ съ Австріею съ одной стороны и Даніею съ другой двѣ области, Шлезвигъ и Гольштейнъ перешли въ собственность Пруссіи и Австріи (что продолжалось до 1866 года, т. е. до войны между Пруссіею и Австріею

изъ за этой самой сособственности). Бываютъ еще случа обмѣна частей территоріи и даже уступки за деньги Такъ, на примѣръ, Россія уступила Сѣверо-Американскимъ Штатамъ Аляску за нѣсколько милліоновъ долларовъ. Въ 1890 году островъ Гельголандъ былъ уступленъ Англіею Германіи въ обмѣнъ на одно колоніальное владѣніе; и Германія успѣшила превратить этотъ островъ въ первоклассную опору для своего военного флота, угрожающаго Англіи же. Такіе случаи являются остаткомъ старины, все менѣе и менѣе соотвѣтствующимъ современному правосознанію.

4. Населеніе.

Взятое съ политической стороны, населеніе каждаго государства состоитъ или изъ подданныхъ, или изъ гражданъ. Оно состоитъ изъ подданныхъ въ самодержавномъ государствѣ, изъ гражданъ—въ конституціонномъ.

Въ самодержавномъ государствѣ отъ населенія требуется только одно, именно повиновеніе, и притомъ даже не за совѣсть, а за страхъ. Какъ объяснялъ сотрудникъ Петра Великаго Теофанъ Прокоповичъ, „уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходяще. у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго“. Общество здѣсь не субъектъ, а объектъ государственной жизни. Оно противопоставляется государству, которое въ свою очередь отождествляется съ правительствомъ и даже съ отдѣльными лицами, стоящими у власти (знаменитое изреченіе, приписываемое французскому королю XVII вѣка Людовику XIV: „государство—это я“). Принципъ общественности здѣсь противопоставляется принципу государственности и даже отвергается во имя исключительнаго господства послѣдняго. Народъ безмолвствуетъ—по крайней

мѣръ наружно. Внутренне онъ накапливаетъ раздраженіе и даже ожесточеніе противъ государства, взявшаго на себя заботу о немъ, но также и всю отвѣтственность— иногда даже (какъ пѣтухъ Шантеклеръ у Ростана) за стихійныя явленія природы: китайскій императоръ отвѣчалъ за состояніе урожая; а придворный проповѣдникъ Людовика XIV Боссюе имѣлъ неосторожность увѣрять, что именно благодаря королевской власти „удаются войны, водворяется миръ, царствуетъ справедливость, и даже земля какъ будто охотнѣе рождаетъ плоды“. Превеличивая всемогущество власти, народъ, состоящій изъ подданныхъ, не имѣющихъ права на участіе въ ея дѣлѣ, полагаетъ, что ея средствами, т. е. путемъ приказаній, запрещеній и разрѣшеній, можно насаждать всякое благополучіе, но также вызвать и злополучіе. Когда благополучія нѣтъ—а гдѣ оно есть вообще?—тогда его отсутствие приписывается нежеланію власти помочь бѣдѣ, хотя бы даже она и происходила отъ непреодолимыхъ никакою человѣческою волею стихійныхъ причинъ. Все это приводитъ къ тому, что рано или поздно, но неизбежно подданные ополчаются противъ государства. Самодержавная власть падаетъ. И пройдя промежуточную стадію опьяненія непривычною свободою, а также понемногу втянувшись въ отвѣтственную государственную работу, управляемые подданные превращаются въ болѣе или менѣе самоуправляющихся гражданъ.

Гражданинъ отличается отъ подданнаго тѣмъ, что по отношенію къ государственной власти онъ не только несетъ обязанности, но также пользуется и правами. Между тѣмъ у подданнаго существуютъ только обязанности, если не считать скромнаго права жалобъ по начальству. Права гражданина по отношенію къ власти могутъ быть дѣйствительно осуществлены и обеспечены только въ конституціонномъ государствѣ. Сущность

ихъ сводится къ политической свободѣ, о которой рѣчь впереди.

Кромѣ такого основного дѣленія на подданныхъ или гражданъ, населеніе каждаго государства дѣлится еще на разныя группы по вѣрѣ, національности, занятіямъ. Это дѣленіе нерѣдко выходитъ даже за предѣлы отдѣльныхъ государствъ. Люди одной и той же вѣры, одной и той же націи, одного и того же занятія нерѣдко принадлежатъ къ различнымъ государствамъ. Нѣкоторыя группировки имѣютъ даже наклонность ко всемірному объединенію. Въ этомъ смыслѣ призывъ социалистовъ къ пролетаріямъ всѣхъ странъ, чтобы они объединялись, вовсе не является какимъ-то новшествомъ. Уже въ средніе вѣка существовали аналогичныя тенденціи. Вѣрующіе христіане вообще и духовенство въ особенности объединялись далеко за предѣлами отдѣльныхъ государствъ. На западѣ Европы дворянство, или рыцарство тоже образовало какъ бы интернаціональ, международную ассоціацію. Съ другой стороны въ предѣлахъ одного и того же государства нерѣдко оказывается нѣсколько вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и иныхъ группъ. Какое ихъ положеніе въ государствѣ?

Въ самодержавномъ государствѣ, или въ государствѣ подданныхъ, обыкновенно одна какая-нибудь группа считается привилегированною и даже господствующею, поскольку вообще подданные могутъ господствовать; всѣ же остальные оказываются уже неполноправными, а иногда даже едва только терпятся. Одно вѣроисповѣданіе считается государственнымъ и посему господствующимъ; другія—лишь терпимыми; посему имъ воспрещается пропаганда и даже чрезмѣрное „оказательство“ въ отправленіи своихъ обрядовъ. Одна народность пользуется правами и преимуществами народности государственной; другія болѣе или менѣе ограничены въ качествахъ народностей „инородныхъ“. Одно сословіе, по

большей части дворянское, считается опорой государства и надѣляется соответственными привилегіями; другія считаются неблагородными, низшими, даже „подлыми“, какъ у насъ выражались официально еще въ концѣ XVIII вѣка.

Конституціонное государство стремится признать каждого жителя страны свободнымъ гражданиномъ и уравнять всѣхъ гражданъ въ ихъ политическихъ правахъ и обязанностяхъ. Послѣ этого юридическаго уравнения оно проявляетъ наклонность какъ бы даже не замѣчать никакихъ бытовыхъ и социальныхъ неравенствъ и различій. Для него нѣтъ ни эллина, ни іудея. Но это вовсе не значитъ, что эллинъ и іудей, какъ таковые, дѣйствительно перестаютъ существовать въ конституціонномъ государствѣ. Они не только существуютъ, но и заявляютъ болѣе или менѣе громко о своемъ существовании и о своемъ желаніи существовать, но уже въ качествѣ не подневольныхъ подданныхъ, а свободныхъ гражданъ. Свобода вѣры въ связи со свободою союзовъ и собраній ведетъ къ образованію свободныхъ церквей, стремящихся къ господству въ обществѣ и государствѣ; такъ, напримѣръ, въ Бельги католическая церковь, пользуясь либеральною конституціею, проявила такую энергію, что образовала очень могущественную политическую партію, съ которою далеко не всегда побѣдно боролась другая крупная политическая партія, именно социалисты; пользуясь свободою обучения, она покрыла страну сѣтью церковныхъ школъ всѣхъ типовъ, до высшей включительно (славящійся „неосхоластиками“ католическій университетъ въ Лувенѣ). Такую же тенденцію проявляетъ католичество во Франціи и Италіи. Что касается національностей, то, продолжая дѣло великой французской революціи, признавшей націю не болѣе какъ суммою всѣхъ гражданъ, конституціонное государство склонно видѣть во всемъ

населеніи только одну націю, одинъ народъ (напримѣръ, швейцарскій народъ, хотя населеніе Швейцаріи состоитъ изъ французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ). Въ дѣйствительности же предоставляемая населенію политическія свободы пробуждаютъ въ немъ также и сознание національныхъ особенностей. Безсознательное взаимодействие и уподобленіе (ассимиляція) націй все болѣе и болѣе смѣняется ихъ сознательнымъ противодѣйствіемъ другъ другу. Отдѣльныя личности и цѣлыя группы заявляютъ притязаніе на національное „самоопредѣленіе“, не только культурное, но также и политическое, простирающееся не только на ту или иную часть населенія, но также на ту или иную часть территоріи. И такимъ образомъ, въ рамкахъ конституціоннаго государства появляются условія для свободной борьбы націй за господство; борьба ведется по большей части именно за господство, ибо гдѣ нація, тамъ и націонализмъ, а гдѣ націонализмъ, тамъ въ лучшемъ случаѣ „домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою“, обыкновенно же болѣе или менѣе ненасытная воля къ власти. Подобнымъ же образомъ въ конституціонномъ государствѣ исчезаютъ сословія, ибо все населеніе превращается въ гражданъ, равныхъ передъ закономъ. Но это вовсе не значить, что происходитъ дѣйствительное уравниеніе населенія. Въ дѣйствительности появляется новое неравенство: вмѣсто издаваемыхъ или поддерживаемыхъ законами самодержавнаго государства сословій появляются классы, т. е. экономическія группы (промышленниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, рабочихъ, крестьянъ), создаваемая свободнымъ выборомъ занятій и свободнымъ соревнованіемъ въ борьбѣ за существованіе и благосостояніе. И каждый классъ въ мѣру своихъ силъ и своей сознательности стремится къ господству и власти, притомъ не только экономической, но также и политической.

Благодаря всему этому проблема гражданина въ современномъ конституціонномъ государствѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ конституціонномъ государствѣ, еще жившемъ воспоминаніями французской революціи съ ея вѣрою въ то, что человѣческіе индивиды равны другъ другу, и что народъ—это только ариѳметическая сумма равныхъ индивидовъ. Современнаго гражданина уже не удовлетворяетъ декларація правъ гражданина и только гражданина. Въ немъ сильно говоритъ вѣроисповѣдное, національное и классовое самосознаніе. Это самосознаніе заявляетъ новую декларацію. И осуществленіе ея можетъ создать въ будущемъ какія-то новыя, доселѣ невѣдомыя формы государственной жизни населенія.

5. Власть.

Средоточіемъ всякаго государства является власть. Здѣсь начало и конецъ всей государственной жизни. Сюда устремлены всѣ надежды вѣрующихъ въ государство. Сюда направлены всѣ удары критикующихъ и отвергающихъ государство. Что же такое государственная власть?

Всюду, гдѣ одни люди зависятъ отъ другихъ людей, мы говоримъ, что они находятся подъ ихъ властью. Власть существуетъ всюду, гдѣ существуетъ отношеніе господства и повиновенія между людьми. И такого рода отношенія весьма разнообразны. Властвуютъ родители надъ дѣтьми, хозяева надъ слугами, учителя надъ учениками, писатели надъ читателями, врачи надъ пациентами и т. п. и т. п. Словомъ, всюду, гдѣ есть авторитетъ и сила, есть также и власть. Чѣмъ же спеціально отличается власть государственная? Тѣмъ, что ей принадлежитъ или, по крайней мѣрѣ, за нею признается на данной территоріи и по отношенію къ данному насе-

ленію преобладающій, безусловно господствующій авторитетъ и сила, подчиняющіе себѣ и, если потребуется, даже совершенно исключаютъ всѣ прочіе авторитеты и силы. Родители могутъ властвовать надъ дѣтьми, пока не вмѣшается государственная власть. Тогда родительская власть или совсѣмъ уступаетъ власти государственной, или же подчиняется ей. Таково же положеніе всѣхъ другихъ видовъ частной или общественной власти: всѣ они соподчинены власти государственной, которой, сообразно съ этимъ, какъ говорятъ юристы, принадлежитъ верховенство, или суверенитетъ.

На чемъ же основывается господство государственной власти? На нравственномъ и физическомъ преобладаніи, иными словами, на авторитетѣ и силѣ. Одного авторитета такъ же мало, какъ и одной силы. Безсильный авторитетъ такъ же безвластенъ, какъ и не авторитетная сила. Только поэтъ, далекій отъ реальной политики (Словацкій), могъ утверждать, будто Казиміръ Великій оставилъ такое царство Ядвига, что она могла держать его въ повиновеніи однимъ лишь взглядомъ и улыбкою. И какъ давно уже замѣчено, со штыкомъ можно сдѣлать все, кромѣ одного—успѣться на немъ. Государственная власть есть организованное противленіе злу. А безъ силы и авторитета такое противленіе невозможно. Степень преобладанія того или иного изъ этихъ началъ различна въ различныхъ странахъ. У французовъ преобладаетъ идея авторитета; посему власть у нихъ такъ и именуется *autorité*. У нѣмцевъ преобладаетъ идея силы; посему и власть у нихъ именуется *Gewalt, Macht*; надпись на прусскихъ пушкахъ гласитъ: *ultima ratio regum*, послѣдній доводъ королей. Въ мѣру своей силы и авторитета власть даетъ тѣмъ, кто ея обладаетъ, возможность господствовать надъ населеніемъ, т. е. проявлять свою волю въ видѣ приказаній, запрещеній и разрѣшеній. Отсюда названіе

возможности (potestas, pouvoir), даваемое власти латинскимъ и французскимъ языками.

Въ зависимости отъ числа лицъ, пользующихся властью, государства дѣлятся на монархіи, гдѣ властвуетъ одинъ, аристократіи, гдѣ властвуютъ нѣкоторые, и республики, гдѣ власть принадлежитъ большинству или даже всѣмъ. По принципиальному обоснованію государственная власть бываетъ или властью Божіею милостью, или самодержавною, или властью волею народа.

Теорія власти Божіею милостью разсматриваетъ возможность господства надъ населеніемъ какъ особый даръ свыше, какъ полномочіе, получаемое отъ Царя небеснаго путемъ помазанія на царство или иного обряда. „Нѣсть бо власти еще отъ Бога“; или, какъ объяснялъ Иванъ Грозный, „земля правится Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостью, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, Государи своими“. Власть Божіею милостью, по настоящему, считается отвѣтственною только передъ Богомъ, согласно со словами еще царя Давида: „Тебѣ единому согрѣшихъ“. Что же касается отвѣтственности передъ подданными, то обыкновенно она совершенно отрицается. У рабовъ Божіихъ и подданныхъ земного царя нѣтъ никакихъ публичныхъ правъ. Есть только обязанность полного повиновенія, даже въ случаяхъ явнаго злоупотребленія власти; такіе случаи объясняются и оправдываются, какъ наказаніе подданныхъ или ихъ испытаніе со стороны Бога, въ рукахъ коего сердце царя; для ихъ предотвращенія и устраненія рекомендуются молитва и постъ. Однако бывали случаи, когда согласно апостольскому требованію „Богу слѣдуетъ повиноваться больше, чѣмъ человѣку“, допускался контроль власти со стороны подданныхъ и даже ихъ право на покушенія и мятежъ. Объ

этомъ разсуждали ученые монахи средневѣковья. На этомъ настаивали іезуитскіе и кальвиническіе монархоборцы бурнаго реформаціоннаго XVI вѣка; и смерть двухъ французскихъ королей (Генриха III и IV) отъ руки религіозныхъ фанатиковъ свидѣтельствуесть, что отъ слова переходили и къ дѣлу.

Теорія самодержавной власти смотритъ на государственный верховный авторитетъ и силу, какъ на нѣчто самодовлѣющее, ни фактически ни принципіально не выводимое изъ иныхъ источниковъ. Какъ самоочевидная аксіома въ математикѣ не обосновывается ничѣмъ, зато сама все обосновываетъ, такъ и самодержавіе въ политикѣ считается первоисточникомъ всего государственнаго порядка, не вытекающимъ ни изъ какихъ иныхъ источниковъ. Ни Божіей милости ни воли народа. Сообразно съ этимъ самодержавное государство провозглашается „смертнымъ богомъ“, какъ выражался англійскій государствовѣдъ XVII вѣка Гоббесъ; и самодержавный государь провозглашается воплощеннымъ богомъ, какъ это произошло съ римскими императорами. Религія оказывается не надъ государственною властью, а подъ нею; и въ этомъ смыслѣ особенно знаменательно постановленіе аугсбургскаго мира 1555 г. „*cujus regio, ejus religio*“, чье владычество, того и религія, т. е., иными словами, нѣсть Бога еще не отъ власти. Не менѣе рѣшительно, чѣмъ Божія милость, отвергается и воля народа въ качествѣ источника самодержавной власти. Подобно гробу Магомета, такая власть виситъ безъ какой бы то ни было поддержки, какъ сверху, такъ и снизу.

Теорія власти волею народа производитъ и силу и авторитетъ государственной власти отъ населенія. Власть не нисходитъ съ высоты небесъ и не паритъ надъ обществомъ какъ нѣчто самодовлѣющее, а вырастаетъ снизу путемъ дѣйствительнаго или предполагаемаго

народнаго избранія, благодаря чему она выражаетъ силу и волю всего народа. Такова, на примѣръ, была власть магистратовъ, т. е. должностныхъ лицъ въ древнемъ республиканскомъ Римѣ. Эта власть обладала грознымъ авторитетомъ и внушительною силою: не напрасно передъ консулами шествовали ликторы съ розгами и сѣкирами; и не напрасно высшія должностныя лица у римлянъ именовались не министрами (отъ *minus*, меньше), а магистрами (отъ *magis*, больше). Но въ конечномъ итогѣ и авторитетъ этотъ, и сила считались собственно авторитетомъ и силою самого римскаго народа въ лицѣ его ставленниковъ.

Таковы наиболѣе типичныя формы обоснованія государственной власти. Въ жизни эти типы нерѣдко смѣшиваются другъ съ другомъ. Такъ, на примѣръ, у христіанскихъ народовъ, въ отличіе отъ языческихъ, самодержавная власть обыкновенно сливалась съ властью Божіею милостью. А въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ монархіяхъ власть Божіею милостью сочетается съ властью воли народа; таковъ, на примѣръ, титулъ итальянскихъ королей.

6. Происхожденіе государства.

Относительно происхожденія государства существуетъ много легендъ и мало научныхъ данныхъ. Согласно легендамъ, государство оказывается то даромъ Божіимъ, то порожденіемъ сатаны, то созданіемъ отдѣльныхъ лицъ (т. н. героевъ-эпонимовъ, т. е. получающихъ свое имя отъ позднѣйшаго названія будто бы созданныхъ ими государствъ: Ромуль отъ Рима, Чехъ отъ Чехіи, Кій отъ Кіева, Прусь отъ Пруссіи и т. п.). Наука, конечно, отказывается отъ такихъ легендъ. Отказывается

она и отъ вѣры во внезапное возникновеніе государствъ изъ ничего: „сначала“, значить, не было совсѣмъ государства, а потомъ вдругъ оно появилось. Такая внезапность есть чудо. А наука хотѣла бы совсѣмъ обойтись безъ чудесъ, оставивъ ихъ религіи и метафизикѣ. Поэтому она и не отыскиваетъ въ прошломъ такого момента, когда государство возникло или было создано. Не дѣлаетъ она этого еще и потому, что она стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія. А эволюція—это развитіе, иногда медленный, иногда болѣе быстрый, но всегда непрерывный переходъ отъ простыхъ формъ существованія къ болѣе сложнымъ. Рѣшить научно и съ эволюціонной точки зрѣнія вопросъ о происхожденіи государства это значить найти въ историческомъ прошломъ самыя простыя, самыя элементарныя формы государственной жизни и затѣмъ прослѣдить, какъ совершался переходъ отъ этихъ формъ къ сложному государству современности. Скудость памятниковъ очень глубокой старины поневолѣ приходится восполнять предположеніями ученыхъ, которые при этомъ далеко не всегда согласны другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые историки полагаютъ, что такъ какъ однимъ изъ основныхъ элементовъ государства является территорія, то оно могло возникнуть только у народовъ осѣдло-земледѣльческой культуры. Другіе историки, возражая имъ, указываютъ, что и у кочующихъ народовъ пастушеской культуры тоже есть территорія и происходятъ даже споры изъ-за нея (о чемъ повѣствуетъ и Библія по поводу патриарховъ). Правильнѣе всѣхъ, повидимому, разсуждаютъ тѣ историки, которые полагаютъ, что нельзя установить одну, всюду одинаковую, обязательную для всѣхъ племенъ первичную форму государственности. Такихъ формъ, кажется, было немало. Особенно характерны три формы—родовое, жреческое и завоевательное государство.

Въ родовомъ государствѣ сила власти основывается на авторитетѣ сѣдой бороды, какъ выразился одинъ англійскій историкъ. Государство есть отечество, во главѣ котораго стоятъ отецъ или отцы. Населеніе является или, по крайней мѣрѣ, считается родомъ, или племенемъ, всѣ члены котораго связаны другъ съ другомъ кровными узами и общностью происхожденія отъ однихъ и тѣхъ же предковъ. Территорія считается родиною, родною землею. Государственная власть считается отеческою, семейною, патриархальною властью. Слѣды такого быта мы находимъ въ Библии у патриархальныхъ колѣнъ израильскихъ. Находимъ мы ихъ также у древнихъ грековъ и римлянъ (спартанская герусія—собраніе геронтовъ, т. е. стариковъ, старѣйшинъ; фратріи—братства; патриціи—происходящіе отъ извѣстныхъ отцовъ, *patres*; сенатъ—собраніе стариковъ, *senes*). Недаромъ Аристотель опредѣлялъ государство какъ соединеніе родовъ и поселковъ и объяснялъ его происхожденіе мирнымъ синойкизмомъ, т. е. сляніемъ, союзомъ домовъ и семействъ. Многіе историки находятъ родовой бытъ и у древнихъ славянъ. Воспоминанія о патриархальной государственности упорно сохранялись въ теченіе многихъ вѣковъ и нерѣдко превращались даже въ идеаль нормальной государственной жизни. Такъ, на примѣръ, патриархальное начало входитъ въ теорію христіанской монархіи: кромѣ Отца, иже есть на небеси, у рода человѣческаго оказываются еще земные отцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, въ лицѣ монарховъ (отсюда нѣмецкое *Landesvater*, „отецъ земли“, русское „царь-батюшка“). Французскій ученый XVI вѣка Боденъ именовалъ государство „правымъ правленіемъ многими семьями“. Еще въ началѣ французской революціи 1789 года одинъ депутатъ (*Bailly*), желая отмѣтить единодушіе народныхъ представителей, воскликнулъ: „*ce jour rend la famille complète*“ (сей день дѣлаетъ семью

полною). Наши русскіе славянофилы восхищались патриархальнымъ государствомъ.

Въ жреческомъ государствѣ власть импонируетъ населенію своимъ религіознымъ авторитетомъ. Страна образуетъ религіозную общину, столь же нетерпимую по отношенію къ иновѣрцамъ, какъ нетерпима родовая община по отношенію къ инородцамъ. Религія (что значить, буквально, связь) связываетъ населеніе страхомъ Божиимъ и почитаніемъ богоустановленныхъ властей. Эти власти считаются или прямыми потомками по нисходящей линіи будто бы нѣкогда царствовавшихъ боговъ (таково было положеніе египетскихъ фараоновъ) или помазанниками Божиими (таково было положеніе царей іудейскихъ). При этихъ властяхъ въ качествѣ контролеровъ ихъ поведенія состоятъ жрецы, зорко слѣдящіе за тѣмъ, чтобы не нарушался законъ Божій: каждый шагъ египетскаго фараона получалъ предварительное одобреніе жрецовъ, которые, кромѣ того, подвергали его еще строгому посмертному суду, настолько строгому, что послѣ него тѣло фараона иногда выбрасывалось изъ той могилы, которую онъ заблаговременно строилъ себѣ въ теченіе всей своей жизни, и которая именовалась пирамидою. Такое жреческое государство особенно характерно для народовъ древняго востока. Но вмѣстѣ съ христіанствомъ оно было усвоено и даже присвоено европейскими народами, оставившими свои древнія народоправства ради власти Божіею милостью.

Въ завоевательномъ государствѣ господство власти основывается на военной силѣ. Населеніе здѣсь дѣлится на завоевателей и завоеванныхъ, побѣдителей и побѣжденныхъ. Завоеватели организованы на дружинныхъ началахъ, дѣлятся на полки, сотни, десятки и пользуются привилегіями по отношенію къ территоріи и прочему населенію. Власть держится силою меча, не на-

прасно находящагося въ рукахъ у властвующихъ. Такова была древняя Спарта съ ея, какъ выразился Платонъ, лагерною конституціею. Таковы были образовавшіяся послѣ великаго переселенія народовъ феодальныя государства средневѣковья. Особенно характерна Франція. Она возникла изъ Галліи въ концѣ V вѣка послѣ Р. Хр. такимъ образомъ, что коренные жители („аборигены“, кельты, или, какъ ихъ называли римляне, галлы) были завоеваны пришлыми франками. Впослѣдствіи, еще даже въ предшествовавшемъ революціи XVIII вѣкѣ французское дворянство оправдало свои наслѣдственныя преимущества тѣмъ, что оно является потомствомъ завоевателей, которые по праву должны господствовать надъ буржуазіею, потомствомъ завоеванныхъ. Въ XIX вѣкѣ многіе французскіе историки изображали судьбу своего отечества, какъ непрерывное стремленіе буржуазіи сбросить съ себя иго завоевателей дворянъ, стремленіе увѣнчавшееся блестящимъ успѣхомъ во время революціи 1789 года.

Таковы основные типы первичной государственности. Они встрѣчаются у народовъ древности то въ чистомъ видѣ, то въ смѣшанномъ. Родовое государство часто сливается со жреческимъ, образуя союзъ очага съ алтаремъ. Жреческое государство, сливаясь съ завоевательнымъ, создаетъ касты, какъ въ древней Индіи. Древне римское государство, съ его патриціями и плебеями, представляло, повидимому, сочетаніе родового и завоевательнаго типа, авторитета родовитости и силы меча.

7. Задачи государства.

Для чего существуетъ государство? И существуетъ ли оно вообще для чего-нибудь? Иными словами, есть ли у государства какая-нибудь цѣль? Всѣ эти вопросы

обыкновенно рѣшаются утвердительно. Но въ разныя времена они рѣшаются различно. Прежде всего вопросъ о томъ, кто полагаетъ цѣли государству. Древніе греки, и особенно Аристотель, думали, что о задачахъ государства заботится сама природа. Государство есть произведеніе природы, которая и полагаетъ ему его цѣль. Въ средніе вѣка учили, что человѣческія царства—это не царства природы, а царства Божіи на землѣ. И посему государство получаетъ свои задачи отъ Бога съ высоты небесъ. Наконецъ, начиная съ эпохи т. н. возрожденія, стали учить, что государство есть нѣчто человѣческое, слишкомъ даже человѣческое, что оно есть произведеніе человѣческаго искусства. Сообразно съ этимъ, если у него вообще есть какія-нибудь цѣли, то онѣ устанавливаются не природою и не Богомъ, а людьми. Въ чемъ же состоитъ цѣль государства?

Въ счастья, и притомъ земномъ счастья, отвѣчали древніе греки. Природа, создающая государство, создаетъ его для того, чтобы граждане были въ немъ счастливы. Въ чемъ же счастье, какъ его понимаетъ природа? Аристотель отвѣчалъ: въ философскомъ досугѣ, музыкѣ и войнѣ. Ради этого населенію нужна территория съ рабами, какъ живымъ инвентаремъ этой территоріи. Ради этого населеніе повинуется власти, и власть повелѣваетъ населенію. Такъ говорила языческая древность.

Христіанское средневѣковье учило иначе. Не природа, а самъ Богъ ставитъ цѣль человѣческому общежитію. И цѣль эта состоитъ не въ земномъ счастья, а въ вѣчномъ блаженствѣ. Государство есть только средство для приготовления людей къ этой цѣли, осуществимой уже за предѣлами государства. Сообразно съ этимъ оно разсматривается какъ установленіе только временное (*civitas temporalis*), хотя бы оно существовало и въ

теченіе цѣлыхъ вѣковъ (*civitas saecularis*). Настоящее, вѣчное государство—это царство небесное. Только въ такомъ государствѣ подлежитъ осуществленію вѣчное блаженство.

Кончились средніе вѣка, и измѣнился взглядъ на задачи государства. Не отъ природы и не отъ Бога получаетъ оно свои задачи, а отъ человѣка. А такъ какъ человѣкъ съ теченіемъ времени мѣняется, то за время, отдѣляющее насъ отъ среднихъ вѣковъ, люди успѣли перемѣнить нѣсколько задачъ. Сообразно съ этимъ старались создать сначала политическое государство, потомъ полицейское, затѣмъ правовое и, наконецъ, соціально-политическое.

Политическое государство—это государство конца XV и всего XVI вѣка, т. е. временъ такихъ теоретиковъ, какъ Макиавелли, и такихъ практиковъ, какъ Людовикъ XI во Франціи, Ричардъ III въ Англіи и Иванъ Грозный въ Россіи. Цѣль такого государства—безопасность и благосостояніе государя. Средство — политика, т. е. искусство итти прямо къ цѣли, не стѣсняясь ничѣмъ. Политика не связываетъ себя требованиями законности—религіозной, нравственной, правовой. Она признаетъ только цѣлесообразность. Цѣль оправдываетъ всякое средство. И посему для хорошаго политика нѣтъ преступленій: есть только удавшіяся или неудавшіяся предприятия. И все это дѣлается не для государства, а для государя, для его личной безопасности, личнаго благосостоянія.

Полицейское государство — это государство конца XVII и всего XVIII вѣка, т. е. временъ, когда государи, обезпечивъ уже свою собственную безопасность и благосостояніе, ставятъ себѣ задачею безопасность и благосостояніе подданныхъ и въ этомъ смыслѣ имену- ютъ себя слугами государства. Средствами для этой цѣли являются полицейскія мѣры, т. е. приказанія, за-

прещенія и разрѣшенія администраціи. Отсюда такіе законы и указы, какъ, на примѣръ: „воспрещается всѣмъ и каждому пѣанство“, или: „а ежели кто и обѣдомъ трактовать пожелаетъ (гостя), то и сіе не возбраняется“. Полицейское государство хочетъ осчастливить подданныхъ. Но ему кажется, что оно лучше, чѣмъ сами подданные, знаетъ, въ чемъ ихъ настоящее счастье. Сообразно съ этимъ его подданные „молчатъ, ибо благоденствуютъ“. Такое государство деспотично. Но оно нисколько не стыдится этого. Совсѣмъ напротивъ, оно гордится этимъ, именуя свой деспотизмъ „просвѣщеннымъ“, какъ это было въ XVIII вѣкѣ.

Правовое государство—это государство теоріи конца XVIII вѣка и практики первой половины вѣка XIX. Цѣль его—не благосостояніе населенія, а единственно его безопасность, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя. Благосостояніе же предоставляется собственной и свободной волѣ населенія, которое зато не должно просить себѣ помощи ни откуда и должно пенять само на себя, если оно благосостояніемъ не пользуется. Въ свободномъ соревнованіи за лучшую долю однимъ удастся подниматься вверхъ по соціальной лѣстницѣ, другіе падаютъ на дно. Но и тѣ и другіе свободны и отвѣтственны каждый за себя. Государство же ограничивается тѣмъ, что создаетъ формально равныя права для всѣхъ гражданъ (отсюда и названіе правового государства). Оно устанавливаетъ равныя условия для самоопредѣленія индивидовъ, обезпечиваетъ имъ всѣмъ внѣшнюю безопасность и затѣмъ умываетъ себѣ руки. Ни привилегій, ни обремененій, ни благотворительности ни для кого. Полный и чистѣйшій либерализмъ. Юридическое попустительство, вводящее во искушеніе и не избавляющее отъ лукаваго.

Соціально-политическое государство—это государство второй половины XIX вѣка и еще, можетъ быть,

нашей современности. Цѣль его—борьба съ борьбою, происходящею въ обществѣ между отдѣльными индивидами и цѣлыми классами. Средство—законодательство. Отъ правового государства оно отличается тѣмъ, что не ограничивается ролью ночного сторожа, охраняющаго покой обывателей, какъ выразился Лассаль, и не проявляетъ полнѣйшаго нейтралитета въ общественной борьбѣ: оно дѣятельно вмѣшивается въ нее во имя мира и справедливости. Отъ полицейскаго государства оно отличается тѣмъ, что законодательствуетъ въ условіяхъ не самодержавной, ничѣмъ не ограниченной власти, а конституціоннаго строя съ дѣятельнымъ участіемъ народныхъ представителей. Въ этомъ его сила и слабость. Сила въ томъ, что государственное управленіе здѣсь какъ бы уже переходитъ въ общественное самоуправленіе. Слабость въ томъ, что государственная власть здѣсь уже находится въ зависимости отъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ каждая стремится сдѣлать ее орудіемъ исключительно своихъ интересовъ и ведетъ политику, нерѣдко напоминающую старыя времена политическаго государства. Зато здѣсь открываются очень благодарныя задачи для людей науки: показать государству его надлежащія цѣли и пути къ нимъ и стать если не судьями, то посредниками въ борьбѣ общественныхъ стихій.

8. Конституціонное государство.

Современное культурное государство есть государство конституціонное. Что же такое конституція? „Жена Константина“, отвѣчали въ 1825 году солдаты, требовавшіе вмѣстѣ съ декабристами конституціи для Россіи. „Писанный листъ бумаги, втирающійся между Богомъ и страню“, объяснялъ прусскій король Фридрихъ-

Вильгельмъ IV. „Реальное соотношеніе силъ въ каждой странѣ“, увѣрялъ Лассаль. „Потребность кадетской партіи, ибо она именуется конституціонно-демократическою“, полагають иные русскіе обыватели. „Надежда монархистовъ“, негодуютъ другіе обыватели, видя, что республикѣ многіе противопоставляютъ конституціонную монархію (въ отличіе отъ монархіи самодержавной). Очевидно, необходимо разъясненіе.

Конституція—это прежде всего организація государства. И посему извѣстный и вѣчный споръ о томъ, что важнѣе—учрежденія или лица,—конституціею рѣшается въ пользу учреждений. Они автоматически дѣлають свое дѣло и при отсутствіи выдающихся политиковъ. Если же такіе люди появляются, то благодаря этимъ учреждениямъ они не остаются въ неизвѣстности, а получаютъ возможность стать настоящими людьми на настоящемъ мѣстѣ. Когда Александру I, который хотѣлъ или, быть можетъ, только дѣлалъ видъ, что хотѣлъ дать Россіи конституцію, замѣтили, что онъ самъ—наилучшая конституція, онъ вполне правильно возразилъ, что онъ не болѣе, какъ счастливая случайность. Конституція стремится такъ предусмотрительно организовать государство, чтобы не приходилось надѣяться только на случайность.

Далѣе, конституція—это ограниченіе государственной власти. Всякая неограниченная власть, всякое самодержавіе безусловно неконституціонны. Безъ самоограниченія власти невозможенъ дѣйствительный переходъ отъ самодержавія къ конституціи. Однако, не всякое ограниченіе государственной власти конституціонно. Таковымъ не будетъ ограниченіе, основанное на фактѣ, а не на правѣ и законѣ. Поэтому сюда не относятся всевозможныя личныя придворныя вліянія, встрѣчавшіяся во всѣхъ самодержавныхъ государствахъ подъ различными названіями—камарильи въ Испани, фаворитизма

и антуража во Франціи, кабали въ Англіи, темныхъ силъ въ Россіи. Не относится сюда и общественное давленіе на власть, начиная отъ случайной уличной толпы и кончая организованными группами или классами—объединеннымъ дворянствомъ, землевладѣльцами, промышленниками и т. п. Одного „реальнаго соотношенія силъ“ еще мало, ибо оно существуетъ и между разбойникомъ и его жертвою. Необходимо правомѣрное соотношеніе силъ и авторитетовъ. Государство конституціонно только тогда, когда лица и учрежденія, ограничивающія власть, дѣлаютъ это по праву, имѣютъ законное право и обязанность это дѣлать.

Но и этого мало. Власть можетъ быть ограничена на законномъ основаніи и все же не быть конституціонною. Такъ въ Египтѣ жрецы по праву контролировали фараоновъ. Въ Турціи султаны, считавшіеся у западноевропейскихъ народовъ типичными деспотами, все же не имѣли права предписать своимъ подданнымъ перемѣнить религію (какъ это имъ совѣтовалъ одинъ римскій папа); между тѣмъ нѣмецкіе монархи могли это сдѣлать по аугсбургскому миру 1555 года. И тѣмъ не менѣе никто не усмотритъ въ этомъ проявленія конституціонности Египта или Турціи. Конституціоннымъ можетъ быть названо только такое организованное государство, въ которомъ власть на законномъ основаніи ограничена публичными правами или политической свободой населенія. Благодаря этому населеніе получаетъ возможность не только устраивать свою частную жизнь помимо государственной опеки, но также свободно устраивать свою общественную жизнь и еще вліять на составъ и дѣятельность государственной власти.

Такому конституціонному государству противопоставляются государства самодержавное и лжеконституціонное. Въ самодержавномъ государствѣ власть при-

тязаетъ на полную неограниченность, и посему ни о какой политической свободѣ населенія не можетъ быть и рѣчи. Въ этомъ смыслѣ провозглашаемое многими самодержавіе народа рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ самодержавія монарха. И диктатура, т. е. опять таки рѣшительно ничѣмъ не ограниченная власть пролетаріата или рабочихъ, ничѣмъ не отличается отъ военной диктатуры и диктатуры узурпаторовъ законной власти: свобода здѣсь пожирается безъ остатка властью. Въ лжеконституціонномъ государствѣ существуетъ только видимость конституціонныхъ учреждений и публичныхъ правъ населенія; въ дѣйствительности же власть не разстается и не желаетъ разстаться съ самодержавіемъ. Черезъ такое государство прошли всѣ народы континентальной Европы: Франція при Наполеонѣ III, Пруссія и Австрія послѣ 1848 года. И у Россіи былъ свой періодъ лжеконституціонализма—отъ революціи 1905 года до революціи 1917 года. Лжеконституціонный характеръ нашего тогдашняго государственнаго строя особенно ярко выступилъ какъ въ опредѣленіи, данномъ этому строю альманахомъ Готы, этимъ адресъ-календаремъ государствъ всего міра („конституціонная монархія подъ самодержавнымъ царемъ“), такъ и въ замѣчаніи, которымъ обмолвился одинъ нашъ министръ (Коковцевъ) передъ Государственною Думою: „у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента“. Стадія лжеконституціонализма пройдена уже и нами. И теперь у насъ на очереди установленіе и укрѣпленіе истиннаго конституціонализма, благодаря которому можно будетъ сказать: земля наша велика и обильна, и порядокъ въ ней есть.

Конституціонное государство обезпечиваетъ такіа политическія блага (порядокъ, свободу), которыя равно дороги всякому человѣку, независимо отъ его профессіи или партіи: кому, на примѣръ, не можетъ быть до-

рога увѣренность, что онъ не можетъ быть арестованъ произвольно и „впредь до выясненія причинъ ареста“? Въмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя подробности конституціоннаго устройства имѣютъ не столько принципиальный, сколько технической характеръ, подобно болѣе или менѣе усовершенствованнымъ путямъ сообщенія. Поэтому, казалось бы, трудно возразить что-нибудь противъ конституцій, ихъ необходимости и цѣнности. И тѣмъ не менѣе иные относятся равнодушно къ нимъ, а иные прямо таки враждебно. Многимъ не нравится, что конституціи черезчуръ формальны. Онѣ не рѣшаютъ по существу социальныхъ вопросовъ (рабочаго, земельного и т. п.) и не прекращаютъ общественной борьбы (партій, классовъ и т. п.). Онѣ устанавливаютъ только правомѣрныя формы для продолженія этой борьбы въ возможно болѣе культурныхъ условіяхъ. Сообразно съ этимъ для нихъ свобода есть цѣль, а не средство для достиженія тѣхъ или иныхъ партійныхъ задачъ, средство, которымъ многіе, не стѣсняясь упрека „ты для себя лишь хочешь воли“, хотѣли бы воспользоваться только для самихъ себя, не всегда и не безусловно предоставляя его другимъ. Другимъ постоянная („перманентная“) революція кажется болѣе желательною, чѣмъ прочный порядокъ, который стремятся насадить конституціи. При этомъ упускаютъ изъ виду, что революція, какъ и лихорадка, не можетъ продолжаться вѣчно, и что за эпохами революціоннаго подъема, когда со дня на день, уже завтра, завтра утромъ, а, можетъ быть, и сегодня вечеромъ ожидаются и готовятся всякіе перевороты, рано или поздно, но, какъ слишкомъ убѣдительно показываетъ опытъ исторіи, неизбежно наступаетъ усталость, апатія, реакція; и не лучше ли подготовиться къ этому во всеоружіи конституціи, чѣмъ съ разбитымъ корытомъ мнимо вѣчной революціи, вмѣсто которой все болѣе и болѣе притязаютъ на власть

притаившіяся было, но далеко неисчезнушія темныя силы прошлаго? Третьи предпочитают конституціонной т. е. ограниченной власти диктатуру, т. е. власть самодержавную, неограниченную, прибавляя въ качествѣ весьма сомнительнаго утѣшенія встревоженнымъ друзьямъ свободы, что это будетъ диктатура рабочихъ или пролетаріата — какъ будто переменна деспота уничтожаетъ самый деспотизмъ. Наконецъ, специально у насъ, въ Россіи, неоднократно осуждали холодную, внѣшнюю, формальную правду конституціоннаго государства и даже государства вообще во имя внутренней правды или нравственнаго подвига отдѣльной личности. Толстой отвергалъ всякое вообще государство какъ безусловное зло. К. Н. Леонтьевъ предпочиталъ самодержавное государство, ибо при турецкомъ режимѣ бывали и святые, а при бельгійской конституціи не бываетъ даже и угодниковъ. Славянофилы мечтали о патриархальномъ государствѣ, не нуждающемся ни въ какихъ внѣшнихъ „гарантіяхъ“. Вообще русскому обществу еще крайне необходимо юридическое воспитаніе, которое развило бы уваженіе къ правовой культурѣ. Пока же

Широки натуры русскія.
Нашей правды идеаль
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ.

9. Виды конституцій.

Различаютъ прежде всего неписанья и писанья конституціи. О неписаной конституціи говорятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда существующія въ странѣ ограниченія власти и публичныя права гражданъ основываются на обычаяхъ, а не на изданномъ въ то или иное время законѣ. При этомъ ссылаются на Англію и говорятъ, что это страна неписаной конституціи. Это вѣрно только

наполовину. У Англіи, правда, нѣтъ единого учредительнаго закона, но естъ отдѣльные акты, иногда весьма стариннаго происхожденія (напримѣръ, великая хартія вольностей 1215 г.), устанавливающіе тѣ или иныя стороны ея конституціоннаго строя. Зато дѣйствительно многія весьма важныя особенности этого строя выработались самою жизнью, нигдѣ не закрѣплены закономъ и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы неписаными конституціонными началами. Таковъ, напримѣръ, англійскій парламентаризмъ, иначе говоря, зависимость кабинета министровъ отъ парламента. Въ XVII вѣкѣ, при Стюартахъ, кабинетомъ именовалась еще комната во дворцѣ, гдѣ король съ „кабалью“ и прочими совѣтниками помимо парламента и наперекоръ ему вершалъ государственныя дѣла. Отъ комнаты получили названіе люди, засѣдавшие въ ней. И сообразно съ этимъ кабинетъ и парламентъ образовали какъ бы два враждебные лагеря. Затѣмъ Стюарты были изгнаны, и парламентъ черезъ своихъ лидеровъ (вожаковъ) пригласилъ иностранцевъ княжить и владѣть страной (сначала голландскую династію, потомъ ганноверскую изъ Германіи, этой поставщицы королей). При нихъ кабинетъ министровъ занялъ уже иное положеніе—какъ бы посредника между королемъ и парламентомъ, причемъ вполне естественно значительная часть королевскихъ полномочій перешла къ кабинету: первый ганноверскій король Георгъ I не умѣлъ даже говорить по-англійски; и такъ какъ англійскіе министры, въ свою очередь, не знали нѣмецкаго языка, то пришлось объясняться на ломаномъ латинскомъ языкѣ, порядочно таки позабытомъ и королемъ и министрами; правда, третій король Георгъ III уже зналъ языкъ, стремился вернуть себѣ королевскія преимущества и царствовалъ достаточно долго (60 лѣтъ), чтобы имѣть время осуществить это стремленіе, но этому мѣшали продолжительные при-

надки сумасшествія, во время которыхъ государственный дѣла естественно переходили къ кабинету. И вотъ уже въ XVIII вѣкѣ обнаружилось, что безъ довѣрія парламента кабинетъ не можетъ править страню: въ 1742 году, разойдясь съ парламентомъ, вышелъ въ отставку глава кабинета Вальполь; а въ 1782 году по той же причинѣ ушелъ Нортъ со всѣмъ своимъ кабинетомъ. Это еще болѣе вошло въ практику въ XIX вѣкѣ, особенно во время продолжительнаго (64-лѣтняго) царствованія королевы Викторіи, слабой женщины при сильныхъ премьерахъ (т. е. первыхъ министрахъ, стоящихъ во главѣ кабинета), вродѣ Мельбурна, Пиля, Пальмерстона, Дизраэли, Гладстона. Такой порядокъ до того укоренился въ Англіи, что онъ считается неотъемлемою частью и гордостью ея конституціоннаго строя. И многія государства континента Европы вносятъ или стараются внести въ свои писаныя конституціи парламентаризмъ. Но въ Англіи онъ донинѣ является не закономъ, а конституціоннымъ обычаемъ. И въ этомъ смыслѣ можно говорить о неписаной англійской конституціи.

Континентальныя конституціи принадлежатъ къ числу писаныхъ. По большей части онѣ имѣютъ видъ хартіи или грамоты, вообще учредительнаго документа, устанавливающаго будущій государственный строй данной страны. Въ этомъ ихъ сила. Въ этомъ и ихъ слабость. Сила въ томъ, что черезъ нихъ открывается путь къ творчеству новыхъ политическихъ формъ. Слабость въ томъ, что онѣ далеко не всегда точно угадываютъ будущіе пути государственной жизни, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ составлялись во время революцій и наспѣхъ. Вотъ почему писаныя конституціи иногда остаются только на бумагѣ (напримѣръ, турецкая конституція 1876 г.), а иногда смѣняютъ другъ друга съ поразительною быстротою: въ первой половинѣ XIX вѣка

въ теченіе 32 лѣтъ Мексика перемѣнила 48 конституцій.

Далѣе, конституціи дѣлятся на пожалованныя свыше („октроированныя“) и установленныя волею народа. Первыя даются монархами, болѣе или менѣе добровольно, или, какъ объясняетъ итальянская конституція, „съ чѣстностью, свойственною королю, и расположеніемъ, свойственнымъ отцу“. Какъ это особенно настойчиво подчеркивали Бурбоны, вернушіеся во Францію послѣ революціи и Наполеона и пожаловавшіе странѣ конституціонную хартію 1814 года, такія конституціи даются монархами отъ полноты ихъ державныхъ правъ, которыя и впредь остаются въ полномъ объемѣ только за вычетомъ правъ, уступленныхъ населенію. Конституціи, установленныя волею народа, создаютъ власти учрежденныя, въ отличіе отъ власти учреждающей, которая считается неотъемлемымъ достояніемъ населенія, выражающаго соотвѣтственную волю на учредительныхъ собраніяхъ. Здѣсь вся полнота державной власти сохраняется у народа. И полномочія учреждаемыхъ властей, хотя бы это была и власть монарха, не выходятъ за предѣлы правъ, точно установленныхъ конституціею.

По степени легкости измѣненія конституціи дѣлятся на твердыя и гибкія. Твердыя конституціи построены на убѣжденіи, что въ политикѣ, какъ и въ математикѣ, есть вѣчныя истины, незнающія ни прошлаго ни будущаго, и что истинная, „настоящая“ конституція такъ же мало нуждается въ реформахъ, какъ и математическія аксіомы. Такою политическою аксіомою въ XVIII вѣкѣ многіе считали составленную Монтескье теорію раздѣленія властей на законодательную, исполнительную и судебную. Кантъ объяснялъ даже христіанскій догматъ троичности Божества съ точки зрѣнія раздѣленія власти Царя небеснаго на законодательную, исполнительную и

судебную. Декларация правъ чловѣка и гражданина, выработанная въ началѣ французской революціи, увѣряла: „всякое общество, въ которомъ не установлено раздѣленіе властей, не имѣеть конституціи“. Проникнутые этою вѣрою создатели донынѣ дѣйствующей конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ положили въ ея основаніе раздѣленіе властей и постарались забронировать это начало навсегда. Твердая конституція или совсѣмъ не допускаеть никакихъ измѣненій ея содержанія въ будущемъ, или же чрезвычайно осложняетъ это дѣло требованіемъ созыва специальныхъ учредительныхъ собраній, или переизбранія законодательныхъ палатъ, или усиленнаго („квалифицированнаго“) большинства голосовъ, или особой процедуры и т. п. Гибкая конституція—это такая, которая можетъ быть измѣнена въ обычномъ законодательномъ порядкѣ или съ нѣкоторыми, не слишкомъ существенными осложнениями. Въ пользу такихъ конституцій уже въ XVIII вѣкѣ высказался одинъ изъ авторовъ французской конституціи 1793 года Кондорсе, который, какъ математикъ, слишкомъ хорошо сознавалъ, какъ далеки относительныя политическія истины отъ математическихъ аксіомъ: онъ предлагалъ созывать учредительное собраніе черезъ каждые 20 лѣтъ, чтобы дать каждому новому поколѣнію законную возможность безъ революціонныхъ потрясеній подтвердить или же измѣнить свой государственный строй. Сторонники всемогущества англійскаго парламента, который будто бы можетъ все сдѣлать, кромѣ одного — превращенія мужчины въ женщину и обратно, и который считается властью не только учрежденною, но также учреждающею, увѣряють, что англійская конституція—абсолютно гибкая, и что своими законами парламентъ можетъ ее сгибать во всѣ стороны. Нынѣшняя французская конституція—полугибкая, полутвердая. Порядокъ ея измѣненія нѣсколько сложнѣе

порядка обычнаго законодательства: проектъ измѣненія сначала голосуется въ каждой изъ двухъ законодательныхъ палатъ отдѣльно, а затѣмъ въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, образующихъ тогда „національное собраніе“ и даже переѣзжающихъ для этого изъ Парижа въ Версаль, подальше отъ столичной толпы; при этомъ въ обоихъ случаяхъ требуется усиленное большинство голосовъ. Но одинъ пунктъ конституціи забронированъ навсегда, является абсолютно твердымъ. Это — республиканскій образъ правленія. Сообразно съ этимъ только переворотъ, революція, насиліе могутъ превратить Францію изъ республики въ монархію. Законныхъ путей для такого превращенія во Франціи уже нѣтъ.

10. Политическая свобода.

Въ конституціонномъ государствѣ публичная власть организована и законно ограничена политическою свободою гражданъ. Что же такое свобода? Необходимо различать естественную, или стихійную, свободу и правомѣрную. Естественная свобода возможна только при полномъ отсутствіи какой бы то ни было власти, обладающей авторитетомъ и силою. Состоитъ она въ томъ, что каждый можетъ дѣлать все, что ему ни заблагоразсудится. Многимъ можетъ показаться, что это и есть самая настоящая свобода, лучше которой ничего и не можетъ быть. Однако, если каждый имѣетъ полную возможность дѣлать все, что угодно, то единственною мѣрою свободы каждаго окажется его сила. Сколько у кого свободы, столько и силы, столько же и права. Значитъ, кто сильнѣе, тотъ и свободнѣе. И нѣтъ никакихъ препятствій для насилій однихъ людей надъ другими. Благодаря этому, когда въ странѣ водворяется только такая, стихійная свобода, то праздникъ про-

должается недолго. Радость болѣе или менѣе скоро, но неизбежно переходитъ въ горе, ибо получается или анархическая междоусобица, когда человѣкъ человѣку волкъ, или грубое царство силы и насилія, гдѣ свободны не всѣ, а только худшіе. У древнихъ римлянъ раскрѣпощенные рабы не сразу становились свободными гражданами. Нѣкоторое время они занимали переходное положеніе вольноотпущенныхъ (*libertini*). И вотъ такое непривычное состояніе перехода отъ вчерашняго рабства къ завтрашней свободѣ переживалось многими либертинами столь буйно, что „либертинажъ“ сдѣлался даже нарицательнымъ именемъ для всякой распушенности. Происходящій во время революцій быстрый переходъ отъ подданства къ гражданству рѣдко обходится безъ проявленій политическаго и общественнаго либертинажа. И это не удивительно. Вѣдь въ самодержавныхъ государствахъ за носителями верховной власти признается право на стихійную, ничѣмъ не сдержанную свободу, когда и воля и даже произволь самодержцевъ считаются авторитетными въ государствѣ. И вотъ, когда самодержавія уже нѣтъ, всѣмъ хочется тоже стать хоть на время самодержавцами.

Правомѣрная свобода — это возможность дѣлать только то, что не воспрещено государственными законами, дабы свобода однихъ не нарушала и не исключала свободы другихъ. Она уже свободы естественной. Зато ея благами могутъ пользоваться всѣ граждане, и сильные и слабые. Она можетъ быть раздѣлена на гражданскую и политическую. Гражданская свобода— это право частныхъ лицъ устраивать свои частныя (семейныя и имущественныя) дѣла въ согласіи съ гражданскими законами. Такая свобода возможна и дѣйствительно существуетъ также и при самодержавномъ строѣ. Зато политическая свобода возможна уже только при конституціонномъ строѣ. Она состоитъ въ томъ, что

населеніе изъ подданныхъ превращается въ гражданъ и получаетъ публичныя права, т. е., кромѣ гражданской свободы, иначе говоря, возможности свободно устраивать свою частную жизнь, еще возможность участвовать въ общественной и политической жизни. Политическую свободу можно подраздѣлить на отрицательную и положительную. Отрицательная состоитъ въ освобожденіи общественной жизни отъ государственнаго вмѣшательства; это, такъ сказать, свобода отъ государства. Положительная состоитъ въ правѣ гражданъ вмѣшиваться въ государственную жизнь, вліять на составъ и на дѣятельность властей.

Отрицательная политическая свобода осуществляется въ т. н. явочномъ порядкѣ, который противоплагается порядку концессионному. Концессионный порядокъ, свойственный самодержавнымъ государствамъ, основанъ на томъ, что все то, что спеціально не разрѣшено подданнымъ, вообще воспрещается имъ. Сообразно съ этимъ принципиально воспрещаются всякія проявленія общественности. Но въ видѣ исключенія они допускаются въ отдѣльныхъ случаяхъ, причемъ рѣшеніе предоставлено усмотрѣнію администраціи. Посему она рѣшаетъ, можно ли разрѣшить такому-то лицу перемѣнить мѣсто жительства, или издать газету, или устроить публичное собраніе и т. п. При этомъ она руководится не опредѣленными и точными требованіями закона, а соображеніями полицейской цѣлесообразности: желательна ли газета, не вредно ли собраніе. Словомъ общественная свобода здѣсь только терпится, какъ изъятіе, уступка, концессія. Отсюда и названіе концессионной, или патентной, системы.

Явочный порядокъ, свойственный конституціонному государству, означаетъ вовсе не то, что думаетъ публика, смѣшивающая его съ беспорядкомъ захвата. Онъ состоитъ въ томъ, что всякое проявленіе общественности, не

воспрещенное спеціально законами, разрѣшается гражданамъ при условіи заявленія подлежащимъ властямъ и выполненія ограничительныхъ требованій закона (вродѣ воспрещенія собраній лицъ вооруженныхъ или на рельсовыхъ путяхъ, или, въ нѣкоторыхъ странахъ, подъ открытымъ небомъ). При этомъ всякаго рода ограниченія общественной свободы не предоставляются усмотрѣнію администраціи, а ясно и точно опредѣляются законами, на стражѣ которыхъ стоятъ судебныя власти.

Отрицательную политическую свободу можно подраздѣлить на права индивидуальныя и коллективныя. Индивидуальныя состоятъ въ свободѣ физической и моральной. Физическая свобода—это неприкосновенность личности, неприкосновенность жилищъ, согласно старинному англійскому принципу „мой домъ—мой замокъ“, свобода передвиженія. Моральная свобода—это свобода слова, устнаго или публичныхъ рѣчей, слова письменнаго, или частной переписки, оберегаемой отъ административной „перлюстраціи“ или просто любопытства, въ которомъ такъ наивно признавался гоголевскій почтмейстеръ Шпекинъ; далѣе, свобода слова печатнаго и свобода публичнаго исповѣданія вѣры, въ иныхъ странахъ даже невѣрія. Коллективная свобода состоитъ въ правѣ собраній и союзовъ съ цѣлями религіозными, профессиональными и политическими (благодаря послѣднему праву ни одна партія не нуждается уже въ подпольной, конспиративной дѣятельности).

Положительная политическая свобода состоитъ главнымъ образомъ въ избирательномъ правѣ, въ правѣ выбирать органы какъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и центральнаго представительства. Сюда относится и право петицій, т. е. обращеній въ законодательныя учрежденія съ просьбою объ изданіи тѣхъ или иныхъ новыхъ законовъ; болѣе дѣйствительнымъ является право т. н. народной инициативы, т. е. право не просить,

а требовать, чтобы представительныя палаты занялись тѣмъ или инымъ законопроектомъ. Сюда же относится и право референдума, т. е. всенароднаго голосованія принятыхъ представительными палатами законопроектвъ.

11. Политическое равенство.

Политическое равенство состоитъ въ томъ, что публичныя права всѣхъ гражданъ одинаковы: каждому предоставляется свобода личности, слова, неприкосновенность жилища и т. п.; у каждаго всего одинъ избирательный голосъ, а не нѣсколько. Такое искусственное уравненіе всѣхъ гражданъ, конечно, не уничтожаетъ естественнаго неравенства способностей, предприимчивости и т. п. качествъ, а также накопленнаго и приобрѣтаемаго неравенства имуществъ. И такъ какъ въ равныхъ условіяхъ политическаго существованія граждане не одинаково пользуются свободою, какъ гражданскою, такъ и политическою, то и при равенствѣ не исчезаютъ ни соціальныя различія ни соціальная борьба. Но и различія устанавливаются, и борьба происходитъ уже въ рамкахъ демократическаго строя: это борьба свободныхъ лицъ и группъ, борьба капитала и труда, а не знати и чернаго народа.

Политическое равенство создаетъ демократическій строй, которому обыкновенно противопоставляется строй аристократическій, основанный на неравенствѣ, и притомъ не естественномъ, а искусственномъ, создаваемомъ и поддерживаемомъ государственною властью. Населеніе аристократическихъ государствъ дѣлится на привилегированное меньшинство и прочій народъ. Меньшинство уже въ силу своего происхожденія отъ „благородныхъ“ родителей надѣлено всякаго рода полити-

ческими и общественными преимуществами. Оно же, главнымъ образомъ и даже исключительно, участвуетъ въ культурной жизни страны. Оно преимущественно пользуется всякаго рода духовными и матеріальными благами. Благодаря этому оно еще болѣе облагораживается, получаетъ вкусъ ко всему красивому и тонкому. И это еще болѣе углубляетъ пропасть, отдѣляющую его отъ народныхъ массъ, стоящихъ внѣ политики, общественности и культуры, а посему коснѣющихъ въ невѣжествѣ и безучастныхъ ко всему высокому.

Въ демократическомъ обществѣ привилегіи исчезаютъ. „Кухаркины дѣти“ получаютъ такую же возможность учиться, какъ и барчуки. Дворянинъ становится гражданиномъ и вмѣстѣ съ простонародьемъ составляетъ политическій народъ. Мѣста въ представительныхъ палатахъ, какъ нижнихъ, такъ даже и верхнихъ, получаютъ уже не въ силу рожденія, обезпечивающаго кресло лорда или пѣра ребенку въ пеленкахъ, а въ силу способностей. признанныхъ избраніемъ большинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и книги пишутся, и театры даютъ представленія, и музыка сочиняется и исполняется не для избранныхъ, а для всѣхъ.

И вотъ современная государственность и общественность подвергаются все большей и большей демократизации. Уже почти сто лѣтъ тому назадъ французскій писатель Токвиль увѣрялъ, что эта демократизація—нѣчто непреодолимое никакою человѣческою волею и входящее въ неисповѣдимые пути Провидѣнія. Когда этотъ процессъ только начинается, когда широкія народныя массы впервые встрѣчаются съ непривычными для нихъ задачами отвѣтственнаго государственнаго строительства или изысканными плодами просвѣщенія, то онѣ на первыхъ порахъ обнаруживаютъ вполнѣ естественную неподготовленность. Это даже вызываетъ у многихъ тревогу за судьбу культуры и цивилизаціи,

которой угрожаетъ варварство калибана или „грядущаго хама“, какъ выражался Мережковскій; даже Герценъ раздѣлялъ эти опасенія. На первыхъ порахъ дѣйствительно прогрессъ культуры какъ бы задерживается, и уровень ея понижается, что имѣетъ свое естественное объясненіе и приноситъ свою долю пользы: теряя въ высотѣ, она зато выигрываетъ въ широтѣ, приобщая и малыхъ сихъ къ тѣмъ благамъ, которыя уже приобрѣтены. Но затѣмъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ демократизации массы уже облагораживаются, ибо получаютъ недостававшее имъ прежде политическое, научное и художественное образованіе. И тогда общій уровень культуры можетъ даже значительно повыситься. Въдъ тогда въ культурномъ творествѣ участвуетъ уже не узкій кругъ привилегированныхъ лицъ, у которыхъ можетъ появиться усталость, равнодушіе, даже вырожденіе, а весь народъ; и дремлющія въ немъ силы, которыя при аристократическомъ строѣ не находили себѣ выхода и часто погибали, не успѣвъ расцвѣсти, теперь получаютъ возможность проявить себя во всемъ блескѣ. Культура уподобляется легендарному Антею, который въ борьбѣ съ врагами получалъ приливъ новыхъ силъ, всякій разъ, когда прикасался къ матери-землѣ.

Такимъ образомъ, политическая демократія основана на политическомъ равенствѣ. Такое равенство не приводитъ къ равенству экономическому. И дѣйствительно, мы видимъ, что экономическое неравенство продолжаетъ существовать во всѣхъ передовыхъ демократіяхъ—въ Америкѣ, Франціи, Швейцаріи. Недовольные этимъ социалисты называютъ эти демократіи „буржуазными“ и мечтаютъ о такой, уже не политической, а социальной демократіи, гдѣ, какъ они надѣются, исчезнетъ и экономическое неравенство — благодаря принудительной организаціи производства и потребленія хозяйственныхъ

благъ, что, какъ они надѣются, въ силахъ осуществить диктатура пролетаріата.

12. Политическое братство.

Извѣстная формула французской революціи къ свободѣ и равенству присоединяетъ еще и братство. Эта формула официально принята республиканскою Франціею, и посему соотвѣтственная надпись красуется на всѣхъ ея публичныхъ зданіяхъ—до тюремъ и полицейскихъ участковъ включительно. Существуетъ ли, однако, политическое братство въ дѣйствительности, или же это только мечта, восклицательный знакъ, который при обостреніи общественной и политической борьбы звучитъ почти какъ насмѣшка и издѣвательство?

Сказанія о происхожденіи государствъ говорятъ не столько о братствѣ, сколько о братоубійствѣ. Каинъ, „строитель городовъ“, убиваетъ Авеля, Ромуль—Рема. „Тяжки войны между братьями“, увѣрялъ Аристотель, выведившій государство изъ разросшейся семьи. Языческому міру не удалось установить братства. Да онъ къ этому особенно и не стремился. Опытъ братства, и притомъ всемірнаго, былъ сдѣланъ христіанствомъ. Оно провозгласило всѣхъ людей, независимо отъ ихъ эллинства или іудейства, единымъ родомъ человѣческимъ, братьями по происхожденію отъ ветхаго Адама и еще братьями во Христѣ. Но христіанской государственности не суждено было осуществить ни братства, ни даже на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія. Человѣчество раздѣлилось на чуждые другъ другу и даже враждебныя государства. И внутри cadaго изъ нихъ оказались не братья, а сначала сеньеры, вассалы, горожане, крѣпостные, затѣмъ подданные, ведшие словную борьбу другъ съ другомъ, и, наконецъ, гра-

ждане, поведшіе борьбу классовую. И вотъ французская революція, создавъ гражданъ, попыталась превратить ихъ еще и въ братьевъ. Потребность въ братствѣ вполне естественно вызывалась сознаниемъ недостаточности и неудовлетворительности одной лишь свободы и равенства, ибо общество только свободныхъ и формально равныхъ индивидовъ лишено всякой духовной связи и ничѣмъ не удерживается отъ беспощадной, хотя и не незаконной борьбы за существованіе и личное благополучіе. Однако, принципъ братства былъ только провозглашенъ, но отнюдь не осуществленъ революціею. Въ сущности, не осуществленъ онъ ни одною изъ существующихъ конституцій. И граждане современнаго государства такъ же мало являются братьями другъ другу, какъ и тѣми товарищами (нѣмецкое Genossen), какими хотѣли бы ихъ сдѣлать социалисты. Нѣкоторые социальныя политики предлагаютъ на первыхъ порахъ вмѣсто братства удовлетвориться солидарностью, взаимностью или „междувисимостью“, иными словами, принципиальнымъ признаніемъ и законодательнымъ закрѣпленіемъ той круговой поруки, которая фактически существуетъ между людьми, живущими въ условіяхъ нашей культуры со сложнымъ раздѣленіемъ труда и неизбѣжнымъ сотрудничествомъ не только для самихъ себя, но и для общественнаго цѣлаго, являющагося даже какъ бы живымъ организмомъ. Но и это все—„музыка будущаго“, такъ же, какъ и международное братство, ибо ни взаимное родство монарховъ, официально именующихъ другъ друга братьями, ни братаніе народовъ не устанавливаетъ братства, по крайней мѣрѣ, такого, при которомъ прекратились бы тяжкія между братьями войны. И посему братство все еще остается не болѣе какъ традиціонною иллюзіею революцій, насъ возвышающимъ обманомъ.

13. Раздѣленіе властей.

Какъ указано выше, „твердость“ многихъ конституцій основывается на неукоснительномъ соблюденіи начала раздѣленія властей. Это начало было изобрѣтено или, вѣрнѣе, открыто въ Англіи французскимъ писателемъ первой половины XVIII вѣка Монтескье. Въ противоположность единой и нераздѣльной власти французскихъ королей, которыхъ онъ иносказательно уподоблялъ персидскимъ деспотамъ, онъ находилъ въ Англіи разъединеніе или, какъ онъ выражался, разлученіе властей: онѣ только принципиально и формально происходятъ отъ одного общаго источника, именно отъ короля; фактически же онѣ независимы другъ отъ друга и, болѣе того, автоматически сдерживаютъ и контролируютъ другъ друга. Въ Англіи, училъ онъ, раздѣленіе властей осуществлено такимъ образомъ, что законодательство принадлежитъ двухпалатному представительному учрежденію, судъ творится выборными присяжными, а исполнительная („эзекутивная“) власть принадлежитъ королю и его министрамъ. И такой порядокъ, увѣрялъ онъ, наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ политическую свободу гражданъ. Убѣжденные въ правильности ученія Монтескье, создатели конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ организовали свою демократію на началахъ раздѣленія властей: всѣ онѣ не проистекаютъ сверху, отъ короны, какъ въ Англіи, а вырастаютъ снизу, отъ державнаго народа, этой единой почвы, откуда онѣ получаютъ свои силы; но вырастаютъ онѣ въ качествѣ трехъ отдѣльныхъ стволовъ. Вторая половина XVIII вѣка такъ вѣрила въ истину раздѣленія властей, что включила его и въ Декларацію правъ человѣка и гражданина, и въ истолкованіе три-

единой власти Царя небеснаго (Кантъ). Эта вѣра перешла и въ XIX вѣкъ. Но тамъ она встрѣтила уже возраженія со стороны какъ теоріи, такъ и практики. Теоретики стали учить, что всякая государственная власть державна, а держава всегда едина; и посему государственная власть не должна склоняться во множественномъ числѣ; вмѣсто несліянныхъ и раздѣльныхъ, различныхъ и разлучныхъ властей можетъ и должна быть рѣчь только о единой неразлучной власти съ различными функциями или вѣдомствами. Практика парламентаризма показала, что, вопреки теоріи Монтескье, именно въ Англіи исполнительная власть, утративъ независимость по отношенію къ власти законодательной, стала въ полномъ смыслѣ слова исполнительницею—исполняя директивы парламента и притомъ не только при осуществленіи принятыхъ имъ законовъ, но также и по всѣмъ вопросамъ государственнаго управления; и при этомъ отъ исполнительной власти министровъ отдѣлилась верховная власть монарха, принявшая характеръ не столько принудительной власти, сколько моральнаго вліянія, которое присуще всякой почетной должности. Звѣзда Монтескье стала закатываться.

На чемъ основано это хотя уже и пошатнувшееся, но все же донинѣ весьма еще живучее ученіе о раздѣленіи властей? На убѣжденіи, что власть опьяняетъ. У кого власть, кто видитъ, что всѣ и всегда повинуются ему, тотъ часто склоненъ превышать ее и даже злоупотреблять ею. Воля властвующаго всегда угрожаетъ перейти въ произволь. Но, съ другой стороны, безвластіе приводитъ къ анархіи. Такимъ образомъ, безъ сосредоточеннаго авторитета и силы нехорошо въ государствѣ, но и при чрезмѣрномъ сосредоточеніи тоже нехорошо. Вотъ и необходимо, чтобы въ государствѣ было нѣсколько властей, изъ которыхъ каждая, вѣдая только свое спеціальное дѣло, не вторгалась въ

дѣло другихъ властей, но вмѣстѣ съ тѣмъ могла ихъ сдерживать и контролировать. Таковы три власти. Одна изъ нихъ — судебная. Обладая ею, суды независимы не только по отношенію къ населенію, но также и по отношенію къ прочимъ властямъ. Это значить, что суды не ограничиваются только тѣмъ, что разбираютъ имущественные споры между частными лицами и приговариваютъ преступниковъ къ наказаніямъ. Они судятъ также и должностныхъ лицъ, неисполняющихъ или дурно исполняющихъ свои законныя обязанности. Болѣе того, въ Америкѣ они судятъ даже законы, издаваемые представительными палатами, и отмѣняютъ ихъ, если усматриваютъ въ нихъ нарушеніе болѣе важныхъ и незыблемыхъ, „твердыхъ“ конституціонныхъ или основныхъ законовъ страны. Вторая власть — исполнительная; правильнѣе было бы назвать ее правительственной. Ей принадлежитъ отвѣтственное дѣло управленія страной, которое отдѣлено отъ суда и законодательства. Если бы эта власть сама законодательствовала или судила, то произволь ея не былъ бы ничѣмъ ограниченъ. Но такъ какъ она и подзаконна и подсудна, то свобода гражданъ обезпечена отъ возможности злоупотребленій съ ея стороны. Наконецъ, третья власть — законодательная, осуществляемая представительными палатами, которыя только законодательствуютъ, т. е. вырабатываютъ обязательныя для всего населенія правила, но сами не приводятъ ихъ въ исполненіе и не судятъ никого за ихъ нарушеніе. Получается система политическихъ противовѣсовъ. И благодаря этому исправно работаетъ государственная машина.

14. Парламентаризмъ.

Сущность парламентаризма состоитъ въ томъ, что исполнительная, или правительственная, власть предо-

ставляется министрамъ, которые зависятъ отъ палаты народныхъ представителей (въ Англии—отъ парламента, откуда и название парламентаризма). Иначе парламентаризмъ называется системою отвѣтственнаго министерства. Эта система основана на двухъ началахъ. Во-первыхъ, всѣ министры, вмѣстѣ взятые, образуютъ одно цѣлое, именуемое кабинетомъ. И всѣ члены кабинета—товарищи другъ другу въ томъ смыслѣ, что они управляютъ странюю сообща, держась одинаковыхъ взглядовъ на задачи текущаго времени. Такая согласованность работы министровъ, тѣмъ очевиднѣе, что они не скрываютъ ея отъ населенія, не предоставляютъ ему угадывать, какова ихъ политика, и даже, есть ли у нихъ вообще какая-нибудь политика. Совсѣмъ напротивъ, принимая власть, парламентарные министры дѣлаютъ соотвѣтственную декларацію, т. е. торжественное заявленіе передъ законодательными палатами. Во-вторыхъ, министры и появляются у власти и оставляютъ ее не по собственному желанію и не по усмотрѣнію главы государства, а въ согласіи съ большинствомъ палаты народныхъ представителей. Когда оказывается, что это большинство не одобряетъ политики министровъ, кризисъ разрѣшается очень мирно, безъ потрясеній, безъ упрямства со стороны министровъ и ожесточенія противъ нихъ въ странѣ: министры выходятъ въ отставку, и у правительственной власти становится новый кабинетъ, приемлемый для большинства. Вотъ такое министерство и именуется парламентарнымъ или отвѣтственнымъ. Отвѣтственнымъ оно называется потому, что оно находится какъ бы въ постоянномъ отвѣтѣ передъ народными представителями, постоянно отчитывается передъ ними.

Эта отвѣтственность именуется еще политической, въ отличіе отъ судебной. Судебная отвѣтственность состоитъ въ томъ, что палата или палаты судятъ или, по

крайней мѣрѣ, обвиняють министровъ въ нарушеніи законовъ, т. е. въ преступленіи. Политическая же отвѣтственность состоитъ въ томъ, что народные представители судять не о противозаконности министерской дѣятельности, а единственно о цѣлесообразности ихъ политики. И въ странахъ съ развитою политическою жизнью такая отвѣтственность оказывается вполне достаточною: при свободѣ печати и прочихъ средствъ общественнаго контроля, при отсутствіи концелярской тайны, при широкой гласности трудно допустить, чтобы министры, какъ таковые, исполняя свои министерскія обязанности, могли успѣть совершить преступленіе, т. е. дѣяніе, караемое существующими уголовными законами—такое преступленіе всегда можетъ быть предотвращено; съ другой стороны нельзя допустить, чтобы желаніе законодательныхъ палатъ во что бы то ни стало осудить и наказать негоднаго министра удовлетворялось специально на сей случай издаваемымъ уголовнымъ закономъ съ обратною силою, т. е. распространеніемъ дѣйствія этого закона на время, предшествовавшее его изданію—такой пріемъ деспотиченъ и подрываетъ правосудіе; имъ пользовался англійскій парламентъ XVII вѣка, разбудившій, какъ выразилась одна его жертва (Страффордъ), львовъ въ видѣ мстительныхъ „биллей о преслѣдованіи“, заимствованныхъ изъ практики неразборчивыхъ королей XVI вѣка, которые при ихъ посредствѣ отдѣлялись отъ своихъ недоброжелателей (Генрихъ VIII отъ философа Т. Мора и отъ собственной жены). До уголовного суда надъ министрами дѣло не доходитъ въ конституціонномъ парламентарномъ государствѣ: все ограничивается выраженіемъ имъ политическаго недовѣрія, за которымъ слѣдуетъ ихъ отставка.

Такимъ образомъ, отвѣтственное министерство состоитъ подъ постояннымъ контролемъ представитель-

ныхъ учреждений. Зато пока оно пользуется ихъ довѣріемъ, оно располагаетъ большою властью и управляетъ страню. Управляетъ не самодержавно, ибо его ограничиваетъ палата представителей. Палата же, въ свою очередь, состоитъ подъ контролемъ всего населенія, которое при каждахъ новыхъ выборахъ или оказываетъ довѣріе прежнимъ депутатамъ и переизбираетъ ихъ, или же избираетъ новыхъ. И тогда прежніе депутаты окончательно выходятъ въ отставку. Значитъ, и они тоже несутъ политическую отвѣтственность передъ гражданами, но, въ отличіе отъ министровъ, только въ установленные для выборовъ сроки. Благодаря этому парламентарное государство представляетъ какъ бы пирамиду. Основаніе ея образуютъ всѣ полноправные граждане. Изъ нихъ путемъ выборовъ выдѣляются депутаты, составляющіе представительныя палаты. Изъ среды депутатовъ выдѣляется кабинетъ министровъ. И изъ кабинета, наконецъ, выдѣляется первый министръ, или премьеръ, глава кабинета и правительственной власти.

15. Прямое народоправство.

И раздѣленіе властей, и парламентаризмъ предполагаютъ народное представительство, т. е. участіе народа въ государственной власти не непосредственно, а черезъ выборныхъ депутатовъ. Многимъ кажется, что такое участіе не соотвѣтствуетъ требованіямъ настоящей демократіи. Уже въ XVIII вѣкѣ противъ Монтеスキе, который восхищался представительнымъ строемъ, выводившимся имъ изъ лѣсовъ древней Германіи, выступилъ Руссо съ требованіемъ непосредственнаго народоправства, выводившагося имъ изъ древней Греціи и Рима, а также изъ нѣкоторыхъ кантоновъ его швей-

царской родины. Онъ увѣрялъ, что англійскій народъ, свободою котораго такъ восторгался Монтескье, дѣйствительно свободенъ только въ моментъ выборовъ въ парламентъ; а затѣмъ онъ впадаетъ въ рабство, ибо уже не онъ самъ распоряжается своею собственною судьбою.

Въ античномъ мірѣ дѣйствительно существовало прямое, или непосредственное, народоправство, обходившееся безъ палатъ народныхъ представителей. Особенно характерна въ этомъ отношеніи Греція до Р. Хр. Нынѣшняя Греція кажется намъ очень маленькимъ государствомъ въ сравненіи съ такими великими державами, какъ Россія, Англія или Франція. Но въ старину эта малая Греція, въ свою очередь, дѣлилась на множество совсѣмъ уже крошечныхъ государствъ, состоявшихъ всего изъ одного города (напримѣръ, Аѳинъ) и прилегающей волости. Сообразно съ этимъ греческое слово „полисъ“, буквально, городъ, означало и государство; отсюда политика, политическій (для древнихъ грековъ одновременно и городской и государственный). Нормою населенія для такого государства Платонъ считалъ 5040 семействъ; а Аристотель пошелъ еще дальше и призналъ это число непомерно большимъ. И вотъ въ такомъ государствѣ ничего не стоило созвать въ нѣсколько часовъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ на вѣче, на всенародное собраніе. Такой же порядокъ существуетъ до сихъ поръ и въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Вся Швейцарія, вмѣстѣ взятая,— это очень маленькая страна, настолько маленькая, что она не можетъ защищаться собственными силами; и поэтому большія державы обезпечили ей неприкосновенность, поручившись другъ передъ другомъ, что онѣ не стануть нарушать ея границъ. Но эта маленькая страна, въ свою очередь, дѣлится на 22 совсѣмъ уже крошечныя части, именуемыя кантонами. И вотъ въ

нѣкоторыхъ изъ нихъ еще и теперь существуетъ непосредственное народоправство. Это значитъ, что населеніе этихъ кантоновъ регулярно собирается на сходъ, или вѣче, которое не только рѣшаетъ мелкія хозяйственныя дѣла, но и законодательствуетъ, и управляетъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ отправляетъ правосудіе.

Очевидно, что государства съ обширною територіею и многомилліоннымъ населеніемъ не могутъ завести у себя такихъ порядковъ и не могутъ обойтись безъ избранія депутатовъ въ представительныя учрежденія. И этого не отрицалъ также и Руссо. Однако въ нѣкоторыхъ странахъ, между прочимъ и въ Швейцаріи, введены такіе порядки, которые являются попыткою хоть отчасти установить прямое народоправство рядомъ съ народнымъ представительствомъ. Именно въ нихъ введены народная инициатива и референдумъ. Народная инициатива, или законодательный починъ народа, состоитъ въ томъ, что проекты законовъ вносятся въ палату народныхъ представителей не только по инициативѣ палаты или министровъ, но также и по письменному требованію извѣстнаго (30—50 тысячъ) числа гражданъ, не состоящихъ депутатами палаты. Референдумъ, или народная санкція законовъ, означаетъ вступленіе законовъ въ силу только въ томъ случаѣ, если послѣ принятія ихъ представительными палатами они еще будутъ одобрены большинствомъ голосовъ всего населенія; такое одобреніе обязательно требуется для особенно важныхъ законовъ, напримѣръ, такихъ, которые измѣняютъ конституцію; въ прочихъ случаяхъ въ теченіе извѣстнаго срока (до трехъ мѣсяцевъ) послѣ принятія закона палатами предоставляется требовать референдума за подписью извѣстнаго числа гражданъ (обыкновенно тоже 30—50 тысячъ). Такимъ образомъ, благодаря инициативѣ и референдуму если не всѣ государственныя власти, то, по крайней мѣрѣ, одна изъ

нихъ, именно законодательная, отправляется не только народными представителями, но также и всѣмъ народомъ. Многіе видятъ въ этомъ послѣднее слово политической демократіи. Но нѣтъ недостатка и въ предостерегающихъ голосахъ, обращающихъ вниманіе на тѣневыя стороны такого порядка на основаніи практики даже такихъ передовыхъ демократій, какъ Швейцарія. Съ одной стороны законодательныя палаты начинаютъ проявлять равнодушіе къ своему дѣлу, ибо послѣднее слово, все равно, принадлежитъ не имъ. Съ другой же стороны широкія массы нерѣдко отвергаютъ законы, направленные къ ихъ же благу, и, поддаваясь агитаціи, иногда требуютъ законовъ, вносящихъ смуту въ страну. Скупые крестьяне кантоновъ Бернъ и Аргау отвергали бюджетъ съ такимъ упорствомъ, что пришлось даже изъять бюджетные законы изъ референдума. Въ кантонѣ Цюрихъ народная инициатива провела отмѣну обязательнаго оспопрививанія, а во всей Швейцаріи—внутреннюю антисемитами 25 статью конституціи, воспрещающую убой скота по еврейскому ритуалу. Цѣлый рядъ мѣръ такъ называемаго соціального законодательства, принятыхъ палатами представителей, былъ отвергнутъ народнымъ голосованіемъ. Отсюда многіе заключаютъ, что даже въ передовыхъ демократіяхъ широкія массы еще не получили должнаго политическаго и соціальнаго образованія, и что поэтому не онѣ должны вести за собою законодателей, а, напротивъ, ими избранные законодатели должны вести ихъ за собою.

16. Глава государства.

Во главѣ государства стоитъ или наслѣдственный монархъ или выборный президентъ. Современный монархъ — это конституціонный монархъ, потомокъ мо

нарха самодержавнаго, который, въ свою очередь, произошелъ отъ монарха вотчиннаго.

Вотчинный монархъ—это хозяинъ своего удѣла. Онъ собираетъ въ свою пользу дань съ населенія, иногда путемъ личнаго наѣзда со своею дружиною („полюдые“). Все лучшее, что производитъ его страна, принадлежитъ ему. Если рыбакъ поймаетъ очень крупную рыбу, онъ спѣшитъ съ нею къ своему князю. Все, что послѣ бури выбрасывается волною на берегъ, считается собственностью князя; онъ же—наслѣдникъ всѣхъ выморочныхъ имуществъ. Территорія—его собственность. И, какъ король Лиръ, онъ ее дѣлитъ между своими дѣтьми, ибо онъ хозяинъ своей земли.

Самодержавный монархъ уже считаетъ себя не хозяиномъ, а слугою государства. Но служить онъ ему не съ согласія подданныхъ, а по собственному разумѣнію. Лишая подданныхъ свободы создавать свое благополучіе и заботиться о своей безопасности, онъ беретъ на себя соотвѣтственное житейское попеченіе. Такимъ образомъ, получается то тяжкое бремя власти, на которое самодержавные монархи такъ охотно жалуются, но которое они рѣшительно отказываются раздѣлить со своими подданными. Иными словами, они становятся на путь полицейскаго государства, выдаютъ себя за какое то земное провидѣніе своихъ подданныхъ, которые начинаютъ ожидать отъ нихъ великія и богатая милости и окружать ихъ соотвѣтственнымъ ореоломъ: у многихъ появляется искреннее убѣжденіе, что когда монархъ радуется или празднуетъ что-нибудь, сама природа сорадуется ему; когда онъ разгнѣванъ или испытываетъ горе, то гремитъ громъ, свирѣпствуетъ буря, и природныя стихіи присоединяютъ свой ревъ къ его негодованію; когда онъ возлагаетъ руки на своихъ подданныхъ, то онъ излѣчиваетъ золотуху, ревматизмъ и т. п. болѣзни (во Франціи такая вѣра существовала еще

въ XVIII вѣкѣ; къ королю Людовику XVI въ день его коронаванія со всѣхъ концовъ страны стекались страждущіе, хотя его предшественникъ Людовикъ XV умеръ, самъ заразившись оспою). Иллюзія продолжается иногда довольно долго. Но по большей части она завершается катастрофою. Подданные дѣлають открытіе, что монархъ—это во всякомъ случаѣ человѣкъ, простой смертный, которому ничто человѣческое не чуждо, какъ хорошее, такъ и дурное. Всѣ мистическіе покровы спадаютъ съ личности монарха, и онъ предстаетъ передъ своими подданными, какъ голый король изъ извѣстной сказки Андерсена. И это одно уже вызываетъ въ подданныхъ большое разочарованіе: мы думали, что паша—паша, а оказывается, что это—человѣкъ, гласитъ одна турецкая пословица; у Шекспира одинъ изъ бывшихъ друзей Юлія Цезаря потому принимаетъ участіе въ заговорѣ противъ него, что Цезарь тонулъ, и онъ, спасая его, видѣлъ выраженіе испуга на его лицѣ. Затѣмъ является сознаніе ненормальности и даже униженности такого положенія, при которомъ одинъ человѣкъ высочайше и всемилостивѣйше приказываетъ, запрещаетъ и разрѣшаетъ, а всѣ прочіе люди должны слѣпо повиноваться, не смѣя обсуждать и вообще разсуждать. И тогда самодержавіе начинаетъ колебаться. Рано или поздно, но неизбѣжно ему приходится или совсѣмъ пасть подъ натискомъ республиканства, или же превратиться въ конституціонную монархію, испробовавъ въ качествѣ послѣдняго средства уловку лжеконституционализма.

Конституціонный монархъ уже ограниченъ, и притомъ не на словахъ только, а на дѣлѣ, основными законами, или конституціею. Она предоставляетъ ему почетное положеніе въ обществѣ, оправдываемое тѣмъ, что онъ является живымъ воплощеніемъ государства, носителемъ его величія и славы; для соотвѣтственнаго пред-

ставительства ему ассигнуются спеціальныя денежныя средства (такъ называемый цивильный листъ). Далѣе, она даетъ ему возможность оказывать влияніе какъ на внѣшнюю политику (благодаря родственнымъ и личнымъ связямъ съ главами иностранныхъ государствъ), такъ и на внутреннія дѣла (благодаря личному авторитету и несмѣняемости, въ то время какъ министры болѣе или менѣе часто мѣняются). Что касается, наконецъ, той власти, которую предоставляетъ ему конституція, то слѣдуетъ различать два типа конституціонныхъ монархій — дуалистическій, или нѣмецкій, и парламентарный, или англійскій.

Въ дуалистической (двойственной) монархіи власть распредѣлена между монархомъ и народнымъ представительствомъ, но такъ неравномѣрно, что бѣльшая часть сосредоточена въ рукахъ монарха. Онъ назначаетъ по собственному усмотрѣнію министровъ, которые отвѣтственны только передъ нимъ. Онъ созываетъ и распускаетъ палаты представителей и въ срокъ, и до срока. Онъ и царствуетъ и правитъ.

Власть парламентарнаго монарха опредѣляется слѣдующими тремя принципами, дѣйствующими въ англійскомъ государственномъ правѣ. Во-первыхъ, король безотвѣтственъ; значить, его нельзя судить за его поведеніе. Казалось бы, это ведетъ къ самодержавію. Но второй принципъ гласитъ: король не можетъ сдѣлать зла. Иными словами, ничто произвольное, ничто даже мало-мальски сомнительное не должно исходить отъ короля. Напоминая того, кто спитъ и посеу не грѣшить, непогрѣшимый король по необходимости почти ничего не дѣлаетъ, ибо тогда онъ не дѣлаетъ и зла. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь, выступаетъ третій принципъ: король не можетъ дѣйствовать одинъ. Ни одинъ актъ короля не можетъ быть опубликованъ безъ скрѣпы („контрасигнаціи“) перваго

министра, который берет на себя всю отвѣтственность передъ парламентомъ. И такъ какъ, конечно, министрамъ не желательно уподобляться тѣмъ мальчишкамъ для сѣченія, которые въ старину состояли при принцахъ для того, чтобы подвергаться примѣрному наказанію за чужія провинности, то и выходитъ, что парламентарный король царствуетъ, но не правитъ. И парламентарная монархія не безъ основанія именуется коронованною республикою.

Въ настоящихъ республикахъ положеніе, вліяніе и власть главы государства, т. е. выборнаго президента, опредѣляются тремя обстоятельствами: установлено ли въ этихъ республикахъ раздѣленіе властей или парламентаризмъ, каковъ порядокъ избранія президента, и на какой срокъ онъ избирается. При раздѣленіи властей президентъ является главою исполнительной власти, самостоятельно назначающимъ министровъ и цѣлую армію чиновниковъ (до 370 тысячъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ). Какъ показываетъ примѣръ Америки, такой президентъ пользуется властью, не уступающею власти конституціоннаго монарха дуалистическаго типа и значительно превышающею власть парламентарнаго монарха. Такъ, на примѣръ, т. н. пріостановительное вето, т. е. право пріостанавливать вступленіе въ силу закона, принятаго палатами народныхъ представителей, путемъ отсылки его палатамъ для вторичнаго разсмотрѣнія (послѣ когороаго, въ случаѣ принятія палатами, законъ уже самъ собою и обязательно входитъ въ силу), не примѣняется англійскими королями съ 1707 года. Нѣкоторые же американскіе президенты за четыре года своего пребыванія у власти воспользовались имъ свыше 300 разъ.

. При парламентаризмѣ президентъ республики пользуется положеніемъ и вліяніемъ парламентарнаго монарха за вычетомъ тѣхъ преимуществъ, которыя даетъ

принадлежность къ наслѣдственной династіи. Такъ, французскаго президента говорятъ, что если онъ гдѣ и президируетъ, т. е. предсѣдательствуетъ, то только на открытіяхъ выставокъ, скачкахъ, парадахъ войскамъ и т. п. церемоніяхъ, столько же надоѣдающихъ своимъ однообразнымъ блескомъ, сколько и небезопасныхъ, ибо во время одного изъ такихъ предсѣдательствованій президентъ Сади-Карно палъ отъ руки анархиста. Говорятъ еще, что французскій президентъ или молчитъ, или раскрываетъ ротъ только для того, чтобы проглотить официальный обѣдъ и за бокаломъ шампанскаго произнести торжественную рѣчь по запискѣ, составленной или, по крайней мѣрѣ, одобренной первымъ министромъ. Энергичные люди даже отказываются итти въ президенты: избранный послѣ убійства Сади-Карно Казиміръ Перье почувствовалъ себя въ качествѣ живого политика какъ бы заживо погребеннымъ на цѣлыхъ семь лѣтъ; и чтобы воскреснуть къ политической активности, онъ черезъ годъ отказался отъ президентства. Словомъ, парламентарный президентъ и не царствуетъ и не правитъ.

Существуетъ два порядка избранія президента республики — американскій и французскій. Въ Америкѣ президентъ избирается всѣми гражданами. Посему онъ опирается на милліоны голосовъ и держитъ себя, какъ власть имѣющій. Во Франціи американскій способъ былъ испробованъ послѣ революціи 1848 г. Но онъ привелъ къ тому, что президентомъ былъ избранъ „гражданинъ Наполеонъ Бонапартъ“, племянникъ бывшаго императора. И за годъ до истеченія четырехлѣтняго срока президентства (къ тому же безъ права переизбранія) этотъ племянникъ совершилъ государственнй „ударъ“ (coup d'état), арестовавъ и изгнавъ республиканцевъ; затѣмъ онъ превратился въ императора, что было одобрено плебисцитомъ (всеобщимъ голосованіемъ гражданъ). И такимъ образомъ, вторая республика

сама себя похоронила. Вотъ во избѣжаніе повторенія такого „цезаризма“ (отъ Юлія Цезаря, впервые стремившагося сочетать самодержавіе съ демократією, вѣрнѣе, демагогією) третья французская республика уже завела иной порядокъ: президентъ избирается не всѣмъ населеніемъ, а обѣими палатами, соединяющимися для этой цѣли въ т. н. національное собраніе. Благодаря этому онъ является ставленникомъ палатъ. И посему, несмотря на свою формальную неотвѣтственность и несмѣняемость, онъ въ случаѣ столкновенія съ ними, если и не юридически, то политически долженъ, какъ утверждалъ Гамбетта, подчиниться или удалиться (*se soumettre ou se démettre*). И дѣйствительно, три президента (Макъ-Магонъ, Гриви и Казимиръ Перье) удалились до срока.

Президентъ республики избирается во Франціи на 7 лѣтъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ на 4 года, въ Швейцаріи на 1 годъ.

17. Правительство.

Во главѣ правительственной, или, какъ ее часто называютъ, исполнительной власти стоятъ министры. Слово „министръ“ въ старину обозначало слугу. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ министры были только слугами, слугами государей. Въ конституціонномъ и особенно парламентарномъ государствѣ они какъ бы становятся слугами народа и его представителей. Настоящее же ихъ призваніе быть слугами государства, т. е. того общаго дѣла, которое стоитъ выше интересовъ отдѣльныхъ государей и даже отдѣльныхъ группъ или цѣлыхъ поколѣній народа. При этомъ скромное названіе слугъ нисколько не означаетъ ничтожности министерскаго званія и призванія. Во всѣ

времена министрамъ удавалось постепенно, но неизмѣнно превращать свое второстепенное служебное положеніе въ положеніе господствующее. Это показываетъ, что власть управляющая, быть можетъ, является главною властью въ государствѣ, пожалуй, даже болѣе существенною, чѣмъ власть законодательная. И недаромъ уже свѣше полувѣка ученые государствовѣды видятъ средоточіе государственной жизни не въ устройствѣ, а въ управленіи.

Современный конституціонный министръ является отвѣтственнымъ политикомъ, въ отличие отъ министра-чиновника самодержавнаго государства и министра-приказчика государства вотчиннаго. Министръ-приказчикъ служитъ не государству, а государю, который въ качествѣ хозяина своей земли нуждается въ дворцкихъ, сокольничихъ, тиунахъ, ключникахъ и т. п. слугахъ, которые помогали бы ему управлять хозяйствомъ, а заодно и государствомъ. Скромное положеніе такихъ министровъ нисколько не помѣшало имъ сначала отстранить государей отъ населенія („жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“), а затѣмъ и совсѣмъ вытѣснить ихъ; особенно характерно ниспроверженіе лысыхъ, толстыхъ, лѣнивыхъ Мервинговъ ихъ майордомами, т. е. дворцовыми комендантами.

Министры-чиновники служатъ государству подъ руководствомъ самодержавнаго государя. Такъ какъ государь беретъ самъ на себя всю отвѣтственность за управление и ревниво оберегаетъ свою власть, то должность такого министра иногда оказывается беззаботною синекурою, которая безъ вреда для дѣла можетъ быть предоставлена даже и поэту: Гете былъ министромъ въ Веймарѣ, Державинъ—министромъ юстиціи въ Россіи. Когда монархи довѣряютъ и министрамъ работу по управленію, то въ зависимости отъ широты пониманія задачъ полицейскаго государства министрамъ прихо-

дится уже дѣлать очень крупное дѣло подъ контролемъ монарховъ, которымъ они и даютъ отвѣтъ. Виды такой министерской отвѣтственности весьма различны — отъ дубинки, гулявшей по спинамъ провинившихся птенцовъ гнѣзда Петрова, до указовъ объ отставкѣ и иныхъ проявленій монаршей немилости. Однако, и министры-чиновники, не хуже, чѣмъ министры-приказчики, кончаютъ тѣмъ, что, какъ выражались наши славянофилы, становятся средостѣніемъ между монархомъ и народомъ; они забираютъ въ свои руки почти всю власть и пользуются ею тѣмъ съ большею неприужденностью, что прикрываются именемъ самодержца, на котораго и перелагаютъ всю отвѣтственность за свою дѣятельность.

Конституціонный министръ является не приказчикомъ и не чиновникомъ, а отвѣтственнымъ политикомъ. Это значитъ, что его дѣятельность состоитъ не въ заполненіи служебнаго формуляра съ выслугою чиновъ, орденовъ и пенсіи и не въ простомъ исполненіи чужихъ приказаній. Его дѣятельность свободна и въ значительной степени не только внѣзаконна, но даже надзаконна. Она до извѣстной степени внѣзаконна уже и тогда, когда онъ получаетъ къ исполненію законы, ибо современный законъ—это слишкомъ общее и отвлеченное правило, не болѣе какъ директивъ, указаніе исполнителямъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ и зависитъ осуществленіе его въ дѣйствительной жизни. Тѣмъ болѣе внѣзаконна дѣятельность министра, когда ему предоставляются тѣ или иныя чрезвычайныя полномочія на время общественныхъ бѣдствій, волненій, войны и т. п. Дѣятельность его надзаконна тогда, когда онъ вноситъ въ палату народныхъ представителей проектъ новаго закона и отстаиваетъ его передъ депутатами; тогда онъ принимаетъ участіе уже не въ исполненіи старыхъ законовъ, а въ созданіи новыхъ. И

вотъ, хотя конституціонный министръ считается отвѣтственнымъ, если не передъ монархомъ, то передъ палатами, ему также удается подчинить себѣ своихъ повелителей. Особенно интересно въ этомъ отношеніи положеніе въ Англии.

Съ одной стороны англійскому кабинету министровъ удалось лишить короля почти всякой реальной власти. Такія прерогативы, т. е. преимущества короны, какъ, напимѣръ, роспускъ парламента до срока или пополнение палаты лордовъ новыми членами въ настоящее время только по имени принадлежатъ королю; въ дѣйствительности ими пользуется первый министръ. Даже придворный персоналъ короля состоитъ подъ контролемъ кабинета, послѣ того, какъ при вступленіи на престолъ Викторіи возникъ т. н. юбочный вопросъ (т. е. вопросъ о правѣ королевы самой выбирать своихъ фрейлинъ и камеристокъ). Король въ Англии—это уже не солнце, какъ когда-то во Франціи, гдѣ какой-нибудь Людовикъ XIV именовался королемъ-солнцемъ. Это—луна, скромный спутникъ земли, робко бросающій на нее свой блѣдный и не самостоятельный свѣтъ. И когда послѣ продолжительнаго женскаго царствованія Викторіи на престолъ вступилъ мужчина Эдуардъ VII, то стали даже раздаваться голоса, что въ Англии слабая женщина болѣе умѣстна на престолѣ, чѣмъ мужъ. Но на это возражали, что, все равно, корона въ Англии—это, собственно, только гипотеза, или фикція, вродѣ эфира, котораго, по настоящему, даже нѣтъ совсѣмъ въ природѣ, но съ помощью котораго физики изслѣдуютъ и объясняютъ такія явленія, которыя уже дѣйствительно существуютъ.

Съ другой стороны кабинету министровъ удалось значительно расширить свою власть насчетъ парламента. Уже Наполеону I казалось, что Питтъ управляетъ парламентомъ съ помощью одного лишь движенія бро-

вей. Шатобрианъ увѣрялъ, что министры — это слуги палаты только по формѣ и ихъ господа по существу. А около середины XIX вѣка англійскій государствовѣдъ Бэджотъ сдѣлалъ открытіе, что его родиною управляетъ вовсе не всемогущій будто бы парламентъ, а кабинетъ. И онъ сталъ увѣрять, что тѣ публичныя засѣданія парламента, въ которыхъ по старой теоріи видѣли священнодѣйствіе, почти таинство претворенія воли большинства депутатовъ въ общую волю страны, представляютъ не болѣе, какъ большіе митинги; на этихъ митингахъ 658 джентльменовъ, собравшихся изъ всевозможныхъ угловъ страны (причемъ многіе засѣдаютъ въ буфетѣ или отсутствуютъ по своимъ дѣламъ), равнодушно и со скучающимъ видомъ сидятъ, погрузившись въ инерцію, и оживляются только при попыткахъ ораторовъ ихъ насмѣшить. Парламентъ не управляетъ страной и, въ сущности, даже не законодательствуетъ какъ слѣдуетъ. Этому мѣшаетъ какъ обиліе законовъ, пропускаемыхъ черезъ парламентъ, такъ и медленность его дѣлопроизводства, особенно когда оно осложняется такъ называемой обструкціей, т. е. умышленнымъ затягиваніемъ преній со стороны меньшинства, не рассчитывающаго иначе на успѣхъ. Правда, противъ обструкціи было найдено средство въ видѣ, такъ называемой, парламентской гильотины, т. е. или полного прекращенія преній, или разрѣшенія выступать только немногимъ депутатамъ съ правомъ занимать трибуну не болѣе 5—10 минутъ. Но благодаря этому тѣмъ менѣе оказалось возможнымъ законодательствовать съ должною обстоятельностью. Такъ, напри- мѣръ, въ 1913 году было подсчитано, что билль (законопроектъ) объ ирландской автономіи обсуждался парламентомъ 45 дней; произнесенныя при этомъ рѣчи заняли 5 тысячъ печатныхъ столбцовъ и содержали 2½ милліона словъ; депутаты голосовали 194 раза и,

выходя для подсчета голосовъ въ разныя двери, прошли 20 миль. И тѣмъ не менѣе изъ 1646 строкъ билля успѣли обсудить только 212 строкъ, а остальные 1434 строки были приняты совсѣмъ безъ обсуждения. Все это привело къ тому, что парламентъ постепенно далъ кабинету, такъ сказать, подрядъ не только на управленіе, но также и на законодательство, сохранивъ за собою лишь выраженіе довѣрія или недовѣрія его политикѣ. Парламентъ даетъ жизнь и смерть кабинету. Но пока кабинетъ живъ и находится у власти, онъ дѣйствительно находится у власти. Сообразно съ этимъ при всей своей политической отвѣтственности передъ народными представителями современные парламентарные министры являются уже не столько министрами, сколько магистрами, подобно римскимъ республиканскимъ властямъ. И задача организованныхъ демократій состоитъ въ томъ, чтобы выдвигать и облекать своимъ довѣріемъ дѣйствительно выдающихся политиковъ.

18. Администрація.

Правительству, т. е. министрамъ, подчинена администрація, т. е. чиновники. Они занимаютъ совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ министры. Тамъ и возможна, и необходима политика, направляющая государственную жизнь и являющаяся отчасти внѣзаконною, отчасти надзаконною. Здѣсь же возможно и необходимо только исполненіе, служба, связанная дисциплиною и закономъ. Что же такое государственная служба? Когда-то она понималась, какъ кормленіе, затѣмъ—какъ служба лицамъ. Теперь она понимается, какъ служба государству. А нѣкоторымъ кажется, что она должна быть службою обществу.

Кормленіе было вполне естественно въ вотчинномъ государствѣ, когда и самъ князь кормился своимъ званіемъ, и его приближенные получали съ этою спеціаль-

ною цѣлью удѣлы и должности. Это отразилось и на языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ средніе вѣка во Франціи судебныя пошлины именовались *épices*, буквально, бакалейный товаръ. Благодаря кормленію государственныя должности разсматривались, какъ частная собственность, которую можно продавать, завѣщать и т. п. Во Франціи такіе порядки существовали еще въ XVIII вѣкѣ: Монтескье унаслѣдовалъ отъ своего дяди должность президента парламента (судебной палаты) въ Бордо; затѣмъ онъ сдалъ эту должность въ аренду до своей смерти, съ тѣмъ, чтобы она тогда перешла къ его сыну. Въ Англіи еще недавно можно было покупать офицерскія должности, какъ мѣсто нотариуса или аптеку. Печальнымъ пережиткомъ нашего древняго кормленія является еще далеко не искорененное у насъ взяточничество.

Въ самодержавномъ государствѣ кормленіе замѣняется службою лицамъ — начальству, а главнымъ образомъ государю. Онъ беретъ на себя заботу о кормленіи своихъ слугъ, жалуя имъ то помѣстье, то шубу съ царскаго плеча, то болѣе или менѣе регулярное денежное „жалованье“.

По мѣрѣ того, какъ самодержавный государь самъ все болѣе и болѣе самоопредѣляется, какъ слуга государства, и служба чиновниковъ въ соотвѣтственной степени тоже становится службою государству. Тогда кругъ ея вѣдѣнія упорядочивается, усиливается ея отвѣтственность не столько передъ начальствомъ, сколько передъ закономъ и судомъ. И вмѣсто капризнаго и случайнаго жалованья, восполняемаго кормленіемъ въ видѣ болѣе или менѣе безнаказаннаго мздоимства и лихоимства, чиновники получаютъ законное „содержаніе“, разсчитанное такъ, чтобы они могли отдавать всѣ свои силы государству и въ то же время вести достойное существованіе.

Въ конституціонномъ государствѣ еще болѣе подчеркивается начало службы государству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ о службѣ обществу въ лицѣ егѣ господствующихъ партій, передъ которыми отвѣчаетъ въ парламентахъ высшее начальство, именно министры. И вотъ въ однѣхъ странахъ колебанія политическаго настроенія отражаются только на министерскихъ верхахъ, занятыхъ высшею политикою, и не затрагиваютъ чиновничьихъ низовъ, которые тогда тѣмъ болѣе коснѣютъ въ бюрократической рутинѣ. Въ другихъ же странахъ послѣ всякаго министерскаго кризиса или президентскихъ выборовъ производится чистка чиновничьяго состава, который такимъ образомъ вовлекается въ партійную жизнь и раздѣляетъ ея участь. Однимъ это нравится, ибо они убѣждены, что государство, какъ таковое, внѣ и выше партій — это мертвое метафизическое понятіе, которому не должны служить живые люди. Другіе же обращаютъ вниманіе на необходимость такого профессиональнаго чиновничества, въ приказахъ посѣдѣлаго, которое было бы увѣрено въ своей несмѣняемости и спокойно дѣлало свое, быть можетъ, и маленькое, но неизбѣжное дѣло вдали отъ бурь и волненій, происходящихъ на верхахъ политики и парламентской жизни.

19. Народное представительство.

Древній міръ не зналъ народнаго представительства. Въ греческихъ государствахъ-городахъ осуществлялось прямое народоправство. Осуществлялось оно и въ Римѣ. Осуществлялось тогда, когда римское государство тоже состояло всего навсего изъ города, не покрывавшаго даже всѣхъ семи холмовъ на берегахъ Тибра, на которыхъ онъ впоследствии раскинулся; когда въ началѣ V вѣка до Р. Хр. плебеи вздумали устроить „сецессию“

и вдали отъ патриціевъ устроить свое собственное государство, они не эмигрировали въ далекіе края, а тутъ же расположились на Священной горѣ. Народоправство осуществлялось въ Римѣ и тогда, когда онъ образовалъ міровую державу съ провинціями вродѣ „Ахеи“ (всѣхъ бывшихъ греческихъ государствъ), или „Испаніи“, и даже „Азіи“ (конечно Малой) и „Африки“ (сѣверной). Послѣдствіемъ этого было то, что римляне, жившіе въ провинціи и не имѣвшіе возможности лично являться въ городъ на форумъ, не только фактически, а и юридически теряли часть своихъ политическихъ правъ. Зато падкое на даровой хлѣбъ и зрѣлища столичное население считалось державнымъ римскимъ народомъ, призваннымъ вершать судьбы всего государства. Государство продолжали отождествлять съ городомъ. И когда императоръ Тиберій переѣхалъ изъ Рима на о. Капри возлѣ Неаполя, всѣ стали говорить, что онъ покинулъ отечество. Когда при Каракаллѣ (начало III в. по Р. Хр.) права римскаго гражданства были распространены на всѣхъ жителей имперіи и перестали быть привилегіею рѣдкихъ провинціаловъ (вродѣ ап. Павла), то народныхъ собраній въ городѣ Римѣ уже давно не было, ибо императоръ правилъ самодержавно, опираясь на гвардію (преторьянцевъ). И посему не пришлось перестраивать государства на началахъ народнаго представительства.

Такое представительство появилось только въ средніе вѣка. И произошло оно изъ двухъ источниковъ—изъ церковныхъ соборовъ и феодальныхъ порядковъ. Христіанская церковь первоначально состояла изъ мелкихъ самоуправлявшихся общинъ, собранія которыхъ въ Греціи носили названіе языческихъ народныхъ собраній, именно „экклезіи“ (отсюда и церковь стала называться экклезією, по-французски *église*). Когда же она стала вселенскою, то уже, очевидно, нельзя было огра-

ничиться приходскими и общинными сходами. Пришлось устраивать соборы и притомъ не только помѣстные, но также и вселенскіе. И вотъ эти соборы по необходимости имѣли уже характеръ сѣздовъ церковныхъ представителей, іерарховъ, являвшихся какъ бы депутатами церкви.

Феодальные порядки средневѣковья состояли въ томъ, что короли могли непосредственно управлять, творя судъ и расправу, взимая дань и т. п., только своими собственными вотчинами. Прочими землями, владѣли на такихъ же вотчинныхъ началахъ ихъ вассалы, менѣе всего склонные смотрѣть на короля, какъ на своего повелителя. Поэтому нельзя было налагать на нихъ принудительно военныя или денежныя повинности. Необходимо было ограничиваться добровольными приношеніями, или „субсидіями“, съ ихъ стороны. И вотъ для установленія характера и размѣра такихъ субсидій короли созывали на совѣтъ своихъ вассаловъ, причемъ болѣе крупные получали именныя приглашенія пожаловать лично, а мелкое рыцарство, такъ же какъ и горожане (буржуазія), приглашались прислать своихъ депутатовъ. Такимъ образомъ получились представительныя учрежденія.

Судьба ихъ была неодинакова на континентѣ Европы и въ Англіи. На континентѣ они заглохли благодаря усиленію королевской власти съ одной стороны и сословному разьединенію съ другой. Начиная съ конца среднихъ вѣковъ, континентальные короли стали смотрѣть на собранія представителей, какъ на удобное средство для раскладки налоговъ и прочихъ повинностей. Сообразно съ этимъ каждый созывъ такихъ собраній вызывалъ въ населеніи не столько радость по поводу возможности проявить политическую свободу, сколько огорченіе по поводу новаго финансоваго обремененія. И посему депутаты снаряжали, скрѣпя сердце и кошелькъ и снаб-

дивъ ихъ слезными „тетрадами жалобъ“ на тяжелое положение избирателей (*sahiers de doléances*). Короли нуждались въ этихъ сѣздахъ только до тѣхъ поръ, пока имъ не удалось при ихъ посредствѣ наладить правильное финансовое обложеніе и передать его въ надежныя руки казенныхъ чиновниковъ. Послѣ этого они уже стали тяготиться представительными собраниями и старались отдѣлаться отъ нихъ. Этому помогли сами собрания, которыя не столько объединялись въ сознани своего общегражданскаго долга, сколько разъединялись въ сословной борьбѣ; представители каждаго сословія даже засѣдали въ отдѣльныхъ палатахъ. И когда въ 1614 г. во Франціи представители буржуазіи выразили желаніе соединиться съ представителями дворянства и духовенства противъ общей королевской опасности, депутаты высшихъ сословій отказали имъ въ этомъ, заявивъ, что они скорѣе согласятся на полное уничтоженіе собраній „генеральныхъ штатовъ“. Королевской власти только это и нужно было. И собраніе 1614 г. оказалось послѣднимъ во Франціи, ибо тѣ штаты, которые были созваны спустя 175 лѣтъ въ 1789 г., провозгласили себя національнымъ и учредительнымъ собраніемъ революціонной Франціи. Заглохли и строптивые испанскіе кортесы; аррагонскіе дворяне, когда-то приносившіе королямъ гордую присягу: „мы, разъединенные такъ же, какъ и вы, и соединенные болѣе, чѣмъ вы, клянемся повиноваться вамъ, если вы сохраните наши вольности, если же нѣтъ, то нѣтъ“, кончили тѣмъ, что почтительно являлись поцѣловать руку у короля, принимавшаго ихъ съ пышнымъ церемоніаломъ испанскаго этикета, а затѣмъ покорно вотировали все то, что онъ требовалъ.

Такова была судьба средневѣковаго представительства на континентѣ Европы. Въ Англіи его судьба была иная. Во-первыхъ, королевская власть здѣсь усилива-

лась только по временамъ; въ общемъ же она не могла окончательно и надолго превратиться въ самодержавную. А во-вторыхъ, англійскія сословія, когда нужно было, дѣйствовали сообща. Уже въ Великой Хартіи 1215 г. король долженъ былъ гарантировать рядъ вольностей не только баронамъ, но и каждому свободному человѣку. И уже въ средніе вѣка мелкій дворянинъ протягивалъ руку горожанину и, въ отличіе отъ чваннаго своимъ дворянствомъ французскаго жантильома, свысока взиравшаго на буржуа, участвовалъ въ созданіи всесословнаго джентльмена. Благодаря этому, вмѣсто трехпалатнаго (духовенство, дворянство, горожане) французскаго представительства сословій, въ Англии уже въ XIII вѣкѣ прочно установилось двухпалатное представительство. И оно поставило себя такъ, что только одинъ король Карлъ I попробовалъ было въ 1629 г. царствовать безъ парламента, собираясь повторить въ Англии то, что за 15 лѣтъ передъ этимъ, въ 1614 г. произошло во Франціи. Но черезъ 11 лѣтъ обнаружилось, что безъ парламента обойтись нельзя. А въ 1649 г. Карлъ I поплатился даже головою за неудачный опытъ самодержавія. Послѣ этого парламентъ еще болѣе окрѣпъ. И когда въ первой половинѣ XVIII вѣка Монтескье отправился изъ Франціи искать по свѣту политическую свободу, онъ нашель ее именно въ Англии съ ея парламентомъ.

Французская революція положила начало представительнымъ учрежденіямъ на континентѣ, построеннымъ отчасти на началахъ ученія Монтескье о раздѣленіи властей (жирондисты), отчасти же и по преимуществу на началахъ ученія Руссо о народномъ самодержавіи (якобинцы). Явилось учение о томъ, что депутаты представляютъ не сословія и не пославшія ихъ мѣста, а весь народъ, какъ единое цѣлое. Сообразно съ этимъ были признаны политически недопустимыми и юриди-

чески недѣйствительными тетради жалобъ и такъ называемые повелительные мандаты, т. е. инструкціи избирателей, связывающія волю депутатовъ и превращающія ихъ въ ходатаевъ по мѣстнымъ дѣламъ. Каждый депутатъ является представителемъ всей націи, всего народа, волю котораго онъ вмѣстѣ съ другими депутатами долженъ впервые создать въ обстановкѣ представительнаго собранія. И поэтому онъ совершенно свободенъ отъ контроля своихъ избирателей; каковы бы ни были его предвыборныя заявленія, онъ можетъ безнаказанно оказаться по отношенію къ пославшимъ его или волкомъ въ овечьей шкурѣ, или, наоборотъ, овцою въ волчьей шкурѣ. Но этого не боялись и этого не ожидали, ибо вѣрили, что всѣ люди, какъ граждане и даже просто какъ люди, равны, подобны и даже тождественны другъ другу, такъ что нѣтъ разницы ни между отдѣльными людьми, ни между индивидомъ и обществомъ. Стоитъ взять любого человѣка, и онъ можетъ отлично представлять интересы и волю всякаго другого человѣка. Стоитъ взять любого человѣка и помножить его на сотни тысячъ, милліоны, десятки милліоновъ, и мы получимъ общество, народъ, націю, какъ простую ариѳметическую сумму одинаковыхъ индивидовъ. Сообразно съ этимъ казалось, что чрезвычайно легко установить общую волю страны: это воля всѣхъ, воля cadaго, что, въ сущности, то же самое. Сіэйсъ уподоблялъ общую волю центру шара, а отдѣльных индивидовъ точкамъ на его поверхности; всѣ точки одинаковы и равно удалены отъ центра.

Однако, когда представительныя учрежденія вошли въ жизнь конституціонной Европы XIX вѣка, обнаружилось, что такого единогласія въ дѣйствительности нѣтъ. Вмѣсто него появились политическія партіи. Онѣ постепенно захватили въ свои руки всю организацію выборовъ въ представительныя учрежденія. Онѣ же

стали руководить своими депутатами въ стѣнахъ палаты и даже, при парламентаризмѣ, въ составѣ кабинетовъ. Сообразно съ этимъ, представительство отдѣльныхъ индивидовъ перешло въ представительство политическихъ партій. И повелительный мандатъ, попрежнему остававшійся юридически недѣйствительнымъ, сталъ возрождаться фактически: голосуя за члена той или иной партіи, избиратель какъ бы поручаетъ ему выполнять именно ея программу, а не создавать на неизвѣстныхъ ему началахъ общую волю страны въ согласіи съ другими столь же пока еще неопредѣлившимися депутатами. вмѣстѣ съ тѣмъ, для уравниванія партійнаго представительства, явилась мысль о необходимости пропорціональныхъ выборовъ, т. е. избранія депутатовъ не по большинству голосовъ за каждаго кандидата въ каждомъ участкѣ отдѣльно, а по общему подсчету голосовъ за каждую партію въ большихъ районахъ, если не во всемъ государствѣ.

Но и на этомъ дѣло не остановилось. Наряду съ политическими партіями выдвинулись профессиональныя организаціи, въ которыя перешли также и многія партіи, освободившіяся отъ своей отвлеченной идеологіи. Въ связи съ этимъ явилась мысль о томъ, что настоящее представительство должно быть не представительствомъ мнимо равныхъ другъ другу индивидовъ и даже не представительствомъ партій, довольствующихся однимъ исповѣданіемъ убѣжденій, далеко не всегда выражающихъ подлинное существо общественности, а представительствомъ профессиональныхъ интересовъ, дающимъ дѣйствительно точную географическую карту даннаго общегитія. Сообразно съ этимъ стали еще болѣе выдвигать мысль о повелительныхъ мандатахъ.

Въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ по примѣру Англіи существуютъ двѣ палаты, верхняя и нижняя. Сторонники двухпалатной системы полагають.

что въ парламентахъ населеніе должно быть представлено и количественно и качественно. Нижняя палата выражаетъ демократическую волю всего народа или его ариѳметическаго большинства. Верхняя же палата выражаетъ волю того же самаго народа, но, такъ сказать, разсортированную по профессиональнымъ, національнымъ, областнымъ признакамъ или же процѣженную черезъ повышенный возрастной или образовательный цензъ. Сторонники однопалатной системы полагаютъ, что у единого народа можетъ и должна быть только единая воля, и что опрометчивость и односторонность однопалатныхъ рѣшеній можетъ быть легко предотвращена строгимъ соблюденіемъ парламентскаго дѣлопроизводства (троекратное и притомъ постатейное чтеніе каждаго законопроекта, свобода парламентскихъ преній и т. п.).

Порядокъ избранія депутатовъ въ представительныя учрежденія все болѣе и болѣе развивается въ сторону всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Начало всеобщаго голосованія означаетъ, что всѣ совершеннолѣтніе граждане пользуются избирательнымъ правомъ, если они не страдаютъ душевными болѣзнями, поражающими ихъ сознаніе и волю, и если они не подверглись уголовному наказанію за позорящія ихъ нравственную личность преступленія. Требованіе особаго имущественнаго ценза, согласно принципу Кондорсе— „собственность дѣлаетъ гражданина“, постепенно исчезаетъ. Требованіе особаго квартирнаго ценза, какъ въ Англіи, или постояннаго мѣстожителства, какъ во Франціи, считается многими нарушеніемъ начала всеобщности. Такимъ нарушеніемъ въ теоріи и практикѣ огромнаго большинства конституціонныхъ странъ не считается устраненіе отъ выборовъ арміи, этой, какъ выражаются французы, великой нѣмой, безмолвно стоящей на стражѣ чести и безопасности отечества независимо

отъ партійнаго состава населенія. До недавняго времени исключеніе женщинъ наравнѣ съ несовершеннолѣтними не казалось нарушеніемъ принципа всеобщности. Женщина сначала считалась существомъ низшимъ въ сравненіи съ мужчиною: въ ней видѣли или вещь, движимое имущество, или сосудъ діавольскій, существо, сотворенное не по образу и подобію Божію, а изъ мужского ребра. Затѣмъ рыцарство и поэзія превратили ее въ даму, т. е. буквально, госпожу, существо какъ бы высшее въ сравненіи съ мужчиною. Но въ обоихъ случаяхъ она одинаково устранилась отъ государственной жизни—подобно звѣрямъ и богамъ Аристотелевой „Политики“. Качество человѣка на нее не распространялось. И посему еще французская декларация правъ человѣка и гражданина 1789 г. была, въ сущности, не болѣе, какъ деклараціею правъ мужчины и гражданина. Только наше время признало женщину человѣкомъ, которому ничто человѣческое не чуждо; значить, также и права гражданина.

Начало равнаго голосованія означаетъ, что у каждаго гражданина всего одинъ голосъ: одинъ человѣкъ—одинъ голосъ, а не цѣлый хоръ голосовъ. Этимъ исключается т. н. плюральное (множественное) голосованіе, вродѣ бельгійскаго, гдѣ семейный, образовательный и имущественный цензъ даютъ избирателю до двухъ добавочныхъ голосовъ, кромѣ его собственнаго.

Прямые выборы противопоставляются многостепеннымъ, когда избиратели голосуютъ не сразу за депутатовъ, а за выборщиковъ депутатовъ. При партійной организаціи выборовъ ихъ многостепенность только осложняетъ дѣлопроизводство, ибо, все равно, партіи предрѣшаютъ, кого выберутъ ихъ выборщики.

Тайное голосованіе означаетъ свободу избирателей отъ давленія какъ партій и общественныхъ организацій, такъ и администраціи, которая, на примѣръ, въ Прус-

сіи отмѣчаетъ въ избирательномъ протоколѣ противъ имени каждаго избирателя имя кандидата, за котораго тотъ голосовалъ.

Различаютъ избраніе по округамъ и по спискамъ. При окружной системѣ страна дѣлится на избирательныя округа, и въ каждомъ изъ нихъ населеніе избираетъ одного представителя. При системѣ списковъ каждый избиратель голосуетъ за цѣлый списокъ на всю губернію, область; а С. Жюсть предлагалъ даже на все государство. Въ пользу окружной системы говорятъ, что она дѣлаетъ депутатовъ болѣе близкими населенію, которое сознательнѣе относится къ выборамъ. Въ пользу системы списковъ говорятъ, что она расширяетъ горизонтъ избирателей далеко за предѣлы ихъ колокольні, вовлекаетъ ихъ въ широкую политику, даетъ каждому лицу возможность избирать большое число депутатовъ и обезпечиваетъ права меньшинства, ибо при ней возможны т. н. пропорціональные выборы. Во Франціи отъ системы списковъ отказались въ 1889 г. послѣ того, какъ генераль Буланже попытался использовать ее для проведенія своихъ выборщиковъ во всей странѣ, что означало бы какъ бы плебисцитъ въ его пользу, напоминающій тотъ, который привелъ къ превращенію гражданина Наполеона Бонапарта въ императора Наполеона III.

20. Политическія партіи.

Гдѣ представительство, тамъ и партіи. Вѣрнѣе, партіи были еще и до представительства. Повидимому, въ древнихъ Аѳинахъ принадлежность къ какой-нибудь партіи была не правомъ, а даже обязанностью каждаго гражданина, ибо политическая безпартійность считалась столь же неестественною, какъ въ послѣдствіи у христіанъ религіозная безпартійность, безпартійность ангела Лао-

дикійской церкви, котораго изблюеть Господь изъ устъ своихъ, за то, что онъ не холоденъ и не горячъ въ вопросахъ вѣры. Въ Византіи VI вѣка зеленая и голубая партіи цирка были вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими партіями. Всѣмъ извѣстны алые и бѣлые, гвельфы и гибеллины или Монтеки и Капулетти, давшіе поводъ печальной повѣсти о Ромео и Джульетѣ.

И, тѣмъ не менѣе, когда французская революція положила начало свободной политической жизни гражданъ, она если не фактически, то принципиально исключала партійность. Съ точки зрѣнія принципиальнаго равенства всѣхъ людей казалось, что народъ—это не болѣе, какъ ариѳметическая сумма индивидовъ. Общая воля народа—это воля всѣхъ или, въ худшемъ случаѣ, воля большинства, ибо полагали, что на каждый вопросъ могутъ быть только два отвѣта—да или нѣтъ; и значить, гдѣ большинство, тамъ, очевидно, и общая воля. Однако, когда представительныя учрежденія вошли въ жизнь, то вмѣсто единой общей воли появились партійныя воли. Это обстоятельство было такъ мало предудомотрѣно теоріею, что ученые государствовѣды сначала совсѣмъ даже не замѣчали его или не хотѣли замѣчать. А затѣмъ, когда уже нельзя было не замѣчать, они не знали, какъ и подойти къ объясненію партій. И на первыхъ порахъ они предавались по ихъ поводу умозрѣнію, тѣмъ болѣе, что тогдашняя наука любила „апріори дедуцировать,“ т. е. выводить факты дѣйствительности изъ отвлеченныхъ понятій. Такъ, въ сороковыхъ годахъ появилось „Ученіе о политическихъ партіяхъ“ Ромера, доказывавшаго, что въ каждомъ государствѣ должны быть непременно четыре партіи, не болѣе и не менѣе, и притомъ непременно радикалы, либералы, консерваторы и абсолютисты—ибо въ жизни каждаго человѣка есть четыре возраста: дѣтство, юность, зрѣлость, старость. Только около пятидесятихъ годовъ,

когда открыли въ Англіи парламентаризмъ, основанный на борьбѣ партій, а не раздѣленіе властей, основанное на вѣрѣ въ единую законодательную волю народныхъ представителей, явилась возможность подойти къ партійной жизни безъ схоластики и педантизма. И съ тѣхъ поръ партіями все болѣе и болѣе интересуются. Особенно поучительно изслѣдованіе на французскомъ языкѣ нашего соотечественника М. Острогорскаго „Демократія и организація политическихъ партій“. Авторъ указываетъ, что въ передовыхъ демократіяхъ гораздо могущественнѣе государственныхъ формъ тѣ реальныя политическія силы, которыя заполняютъ ихъ жизненнымъ содержаніемъ. Это—крупныя политическія партіи, организующія и дисциплинирующія огромныя массы гражданъ для того, чтобы образовать большинство въ парламентѣ и черезъ него провести своихъ агентовъ въ кабинетъ, т. е. правительство. Центръ тяжести политической жизни, увѣряетъ онъ, надо искать не въ парламентѣ, а за его кулисами, въ комитетахъ крупныхъ партій, ихъ организаціи и агитации.

Что же связываетъ партіи въ одно цѣлое? Или лица, или убѣжденія, или интересы. Партіи группируются вокругъ опредѣленныхъ лицъ или въ странахъ съ молодую, еще неустановившеюся общественностью (Греція—Венизелось), или же, напротивъ, въ странахъ съ очень старою и устойчивою, строго дѣловою самодѣятельностью. Такова, на примѣръ, старая Англія. Одинъ лордъ какъ-то замѣтилъ, что партія тори въ 1890 г. требовала то именно, что въ 1790 г. требовала ея противница, партія виговъ, и наоборотъ. Робертъ Пиль со своими единомышленниками весьма рѣшительно то проваливалъ, то проводилъ эмансипацію католиковъ и отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Очевидно, здѣсь сила не въ принципахъ партій, а въ авторитетѣ и тактикѣ ихъ вождей и дисциплинѣ рядовыхъ членовъ. Англичанинъ

Карлейль называлъ исторію біографіею великихъ людей. Парламентская исторія Англіи—это исторія Вальполя, Питта, Пила, Пальмерстона, Биконсфильда, Гладстона и другихъ партійныхъ лидеровъ (вожаковъ).

Партии принципозъ или убѣжденій характерны для странъ и общественныхъ группъ, еще не приучившихся къ дѣловой политической работѣ или же вообще непрактичныхъ, склонныхъ къ доктринерству и нѣскольکو лѣнивыхъ; посему для нихъ слово выше дѣла, и признаніе принципа достаточно даже и безъ его осуществленія. Чистота убѣжденій ставится выше реальныхъ интересовъ: „пусть лучше погибнуть колоніи, чѣмъ принципы“. Жизнь такихъ партій представляетъ своеобразное сочетание духовной красоты и уродливаго фанатизма, преданности идеѣ и нетерпимости къ иначе мыслящимъ. Такія партии стремятся не столько къ свободѣ и, значить, терпимости, сколько къ власти и, значить, принужденію. Добившись власти, онѣ нерѣдко впадаютъ въ деспотизмъ, деспотизмъ не каприза и произвола, а убѣждения въ обладаніи истиною и необходимости осуществить ее на землѣ. Много горя принесли людямъ ошибочныя убѣждения такого рода.

Партии реальныхъ интересовъ оцѣниваютъ всѣ политическіе вопросы съ точки зрѣнія не чужого авторитета или отвлеченныхъ принципозъ, а той или иной—вѣроисповѣдной, сословной или экономической пользы для самихъ себя. Девизы ихъ нерѣдко грубо матеріалистичны (напримѣръ, программа нѣмецкихъ аграріевъ или одно англійское требованіе: „два акра земли и одна корова“) и всегда эгоистичны („самоопредѣленіе націи“, „диктатура пролетаріата“). Сначала, значить, интересы даннаго класса, данной націи, даннаго вѣроисповѣданія, а затѣмъ уже отечество, государство, цивилизація, культура.

Какова бы ни была связь, дѣлающая партію однимъ

цѣлымъ, эта связь основывается на дисциплинѣ ряд
выхъ членовъ, безусловно повинующихся указаніям
вождей. И въ этомъ отношеніи опытъ передовыхъ де-
мократій показываетъ, что средній челоуѣкъ далеко не
такъ индивидуаленъ, чтобы пользоваться своею свобо-
дою для самостоятельнаго политическаго сужденія и
дѣйствія. Вслѣдствіе этого люди съ тонкою духовною
организаціею и не одержимые волею къ власти уклон-
яются отъ партійной жизни, не желая быть вождями
и не унижаясь до положенія рядовыхъ, или, какъ вы-
ражаются въ Германіи, „голосуемой скотины“ (Stimm-
vieh). Убѣжденные индивидуалисты осуждаютъ шабло-
нность и трафаретность партійной жизни, превращающей
всѣ умы и сердца въ какую-то однородную массу, на-
поминающую прессованную паюсную икру. Но люди,
дорожащіе организаціею массъ, видятъ въ партіяхъ
благодѣтельное орудіе дисциплины и соціального воспи-
танія, хотя и односторонне, зато неуклонно и послѣдо-
вательно вводящаго малыхъ сихъ въ кругъ основныхъ
вопросовъ политики и общественности.

Если при раздѣленіи властей вліяніе партій на поли-
тику и не такъ замѣтно, хотя оно и здѣсь огромно,
чему примѣромъ служатъ хотя бы президентскіе вы-
боры въ Америкѣ, то при парламентаризмѣ оно оче-
видно. Здѣсь, можно сказать, происходитъ взаимодѣй-
ствіе не столько парламента и кабинета, сколько партій
и кабинета, причемъ парламентъ является только какъ бы
мѣстомъ ихъ встрѣчи. Характеръ такого взаимодѣй-
ствія не одинаковъ въ Англіи и Франціи. Въ Англіи съ
давнихъ временъ существовали всего двѣ политическія
партіи. На нихъ и рассчитано устройство парламента,
гдѣ скамьи расположены не амфитеатромъ съ правою,
лѣвою стороною или центромъ, считая отъ председа-
тельской скамьи, а двумя рядами, поставленными другъ
противъ друга: на однѣхъ скамьяхъ сидитъ правитель-

ственная партія, противъ нихъ—оппозиція. Въ сущности, и теперь еще въ Англіи, можно сказать, почти всего двѣ крупныя партіи, отъ которыхъ по временамъ и по отдѣльнымъ вопросамъ откалываются части. Благодаря этому сдвиги парламентскаго большинства происходятъ медленно и рѣдко. И посему отвѣтственное передъ нимъ правительство обыкновенно долго остается у власти.

Во Франціи иной порядокъ. Во-первыхъ, ея нижняя палата склонна слишкомъ часто пользоваться интерпелляциями, т. е. запросами. Между тѣмъ запросы болѣе естественны при раздѣленіи властей и особенно въ дуалистической конституціонной монархіи нѣмецкаго типа. Тамъ у палатъ нѣтъ иныхъ средствъ контроля и осужденія дѣятельности министровъ, не выходящихъ изъ ихъ среды и неотвѣтственныхъ передъ ними. Но въ парламентарныхъ государствахъ, гдѣ министры являются ставленниками палатъ, ихъ административнымъ комитетомъ, постоянные запросы особенно въ началѣ ихъ дѣятельности уже могутъ быть объяснены только, какъ остатокъ временъ самодержавія, когда передовое общество было въ постоянной оппозиціи ко всякому правительству только потому, что это — правительство. Во-вторыхъ, во Франціи нѣтъ крупныхъ партій. И посему, какъ парламентское большинство, такъ и составъ кабинетовъ носятъ коалиціонный, эклектическій характеръ, далеко не всегда допускающій послѣдовательное осуществленіе одной общей программы. Въ силу этихъ обѣихъ причинъ кабинеты во Франціи падаютъ слишкомъ часто и нерѣдко совершенно случайно: въ 1914 г. кабинетъ Рибо просуществовалъ всего одинъ день; и еще Балзакъ писалъ: „Парижъ, гдѣ все непостоянно, какъ кабинетъ министровъ“.

21. Самоуправленіе.

Различают общественное и государственное самоуправленіе. Первое характерно для средних вѣковъ. Тогда государственная власть была такъ слаба, что о безопасности и благосостояніи населенія или никто не заботился, или же заботилось само населеніе. Посему оно и самоорганизовывалось. Результатомъ этого явились автономные университеты, цехи, корпорации, городскія общины и такія установленія, какъ, на примѣръ, св. Германдада въ Испаніи, иначе говоря, обывательская жандармерія, или же Ганзейскій союзъ въ сѣверной Германіи съ торговымъ и военнымъ флотомъ. Самодержавное государство лишило общество самодѣятельности, стало смотрѣть на нее не какъ на законное самоуправленіе, а какъ на преступное самоуправство. Прежніе свободные корпоративные союзы были превращены въ распыленную массу подданныхъ, которые должны были покорно исполнять приказанія властей. Преобразомъ государства сдѣлался библейскій Левіаѳанъ, сильнѣе котораго звѣря нѣтъ и котораго простому смертному не вытащить удочкою на берегъ. Послѣдніе остатки самоуправленія исчезли тамъ, гдѣ, какъ выразился одинъ англійскій ученый (Поллокъ), Левіаѳану продѣли въ ноздри кольцо и запрягли его въ колесницу общественнаго благополучія, иными словами, гдѣ появилась теорія и практика полицейскаго государства. Получилась крайняя централизація, породившая, какъ выразился Ламенэ, апоплексию центра и параличь конечностей. Мѣстная жизнь почти совсѣмъ заглохла — по крайней мѣрѣ на континентѣ Европы. Но не заглохла она въ Англии. Однако, еще въ XVIII вѣкѣ Монтескье, открывшій, такъ сказать, Англию, какъ свободную страну, про-

глядѣлъ ея мѣстное самоуправленіе и увидѣлъ лишь центральное представительство. Самоуправляющуюся Англию открылъ въ XIX вѣкѣ нѣмецкій ученый Гнейстъ. И только во второй половинѣ этого вѣка начали переносить также и на континентъ Европы болѣе или менѣе широкую децентрализацію и самоуправленіе (тогда-то и было сочинено это слово, буквально переводящее, какъ и нѣмецкое *Selbstverwaltung*, англійское *selfgovernment*; на французскомъ языкѣ до сихъ поръ еще нѣтъ подходящаго выраженія). Это континентальное самоуправленіе получило уже характеръ не общественнаго самоуправленія въ средневѣковомъ смыслѣ, а самоуправления государственнаго, когда общее государственное дѣло перелagается на мѣстные выборные органы, надѣляемые соотвѣтственными правами, но также и обязанностями. Многимъ кажется, что мѣстное самоуправленіе является лучшею школою общественности, чѣмъ центральное представительство, черезчуръ поглощенное высшею политикою; и тогда на парламенты смотрятъ только какъ на увѣнчаніе зданій, фундаментъ которыхъ покоится въ мѣстныхъ органахъ. Другимъ кажется, что, напротивъ, основной источникъ политической самодѣятельности долженъ быть единъ и что мѣстные органы должны быть не болѣе, какъ филиальными отдѣленіями центрального представительства.

Основною ячейкою мѣстнаго самоуправления является возможно болѣе мелкая земская единица вродѣ англійскаго прихода. Вершиною является область, пользующаяся автономіею, т. е. правомъ собственнаго мѣстнаго законодательства, но не пользующаяся правами самостоятельнаго государства. И посему автономная область, какъ таковая, не участвуетъ въ осуществленіи всѣмъ государствомъ его державныхъ правъ.

Въ послѣднее время, кромѣ областной автономіи, много занимаютъ еще автономіею національною. Об-

ластная автономія—это самоуправленіе населенія данной области, просто какъ гражданъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ той или иной націи. Національная же автономія—это самоуправленіе части населенія государства, поскольку оно специально принадлежит или приписывается къ извѣстной націи. Различаютъ двоякую національную автономію: персональную и территориальную. Персональная (личная) автономія состоитъ въ томъ, что каждый гражданинъ имѣетъ право, иногда даже обязанность, быть не только гражданиномъ своего государства, но также и членомъ той или иной націи. Такая нація считается какъ бы особымъ лицомъ частнаго и публичнаго права. И потому она можетъ покупать, продавать, получать въ даръ и наследовать имущество, имѣть представительство въ мѣстныхъ и центральныхъ органахъ государства и т. п. Территориальная автономія націи означаетъ превращеніе ея въ господствующую на опредѣленной части государственной территории, гдѣ ей предоставляется или полная монополія или цѣлый рядъ преимуществъ въ административной и даже политической организаци мѣстной жизни.

Связанная съ національною автономіею ходячая нынѣ формула „самоопредѣленія народностей“ означаетъ намѣреніе перейти отъ государственнаго націонализма къ націонализму общественному. Въ прежнихъ, самодержавныхъ государствахъ націи такъ же опекались, какъ и индивиды, согласно теоріи полицейскаго государства: какъ одни лица считались привилегированными, а другія нѣтъ, такъ и однѣ націи считались господствующими, а другія нѣтъ. И вотъ правовое государство по отношенію къ индивидамъ стало на точку зрѣнія чистѣйшаго либерализма: всѣ личности свободны и формально равны, и имъ предоставляется путемъ свободнаго соревнованія создавать новыя неравенства, не опасаясь противодѣйствія со стороны государства, но и не на-

дѣясь на его содѣйствіе. Подобнымъ образомъ и отъ современнаго государства многіе требуютъ національнаго либерализма: признанія всѣхъ націй равноправными и свободными въ самоопредѣленіи. При этомъ многимъ кажется, что это создастъ полную гармонію въ отношеніяхъ между націями вродѣ той гражданской и экономической гармоніи, на которую надѣялись либералы и индивидуалисты. Какъ извѣстно, либералы ошиблись: вмѣсто гармоніи индивидовъ получилась классовая борьба. Къ чему можетъ привести національный либерализмъ, пока судить трудно. Одинъ австрійскій скептикъ увѣрялъ, что самъ Господь Богъ не могъ бы примирить всѣхъ націй. Быть можетъ, общественный национализмъ, дѣйствующій въ духѣ національнаго либерализма и по аналогіи съ либерализмомъ индивидуальнымъ, также содержитъ въ себѣ зачатки борьбы—борьбы свободныхъ націй, приводящей къ образованію господствующихъ націй и націй-пролетаріевъ, т. е. буквально такихъ, которыя не могутъ похвалиться иными богатствами, кромѣ обильнаго потомства (proles).

22. Сложныя государства.

Соединяясь, государства образуютъ союзы и сложныя государства. Юристы различаютъ соединенія международнаго и государственнаго права. Первыя создаются международными трактатами и не отражаются на конституціяхъ соотвѣтственныхъ государствъ. Вторыя создаютъ юридическія послѣдствія не только для международнаго міра, но также для территоріи, населенія и власти каждаго соотвѣтственнаго государства, какъ такового, и посему имѣютъ не дипломатическое, а конституціонное, учредительное значеніе. Наиболѣе характерныя соединенія этого рода—унія, союзъ государствъ и союзное государство.

Подъ униєю разумѣется сляіііе двухъ самостоятель-ныхъ монархическихъ государствъ, имѣющихъ свои от-дѣльныя конституціи, подъ властью одной общей ди-настіи, права которой на престолъ основаны на консти-туціонныхъ законахъ о престолонаслѣдіи въ этихъ го-сударствахъ. Унія именуется личною, если, кромѣ мо-нарха, нѣтъ никакихъ иныхъ общихъ органовъ, и ре-альною, если таковые имѣются. Въ личной уніи нахо-дились Англія и нѣмецкій Ганноверъ съ 1714 г., когда на англійскій престолъ вступилъ Георгъ I, до 1837 г., когда на англійскій престолъ вступила Викторія, кото-рая, какъ женщина, по ганноверскимъ законамъ о престолонаслѣдіи теряла право на ганноверскій пре-столъ. Въ реальной унії съ 1867 г. находятся Австрія и Венгрія, имѣющія, кромѣ общей Габсбургской ди-настіи, еще т. н. делегации представительныхъ палатъ обѣихъ странъ, а также три общихъ министерства: военное, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ.

Союзъ государствъ, или конфедерація—это такое со-еніе государствъ, при которомъ каждое изъ нихъ иііаетъ свою полную политическую самостоятель-ю. Отъ международнаго союза оно отличается тѣмъ, цѣли, ради которыхъ оно усганавливается, опредѣ-ляются не просто международнымъ трактатомъ, а со-юзною конституціею, создающею тотъ или иной цен-тральный органъ союза. Этотъ органъ получаетъ из-вѣстную власть, но только по отношенію къ государ-ствамъ, входящимъ въ союзъ. А эти государства уже отъ себя властвуютъ надъ своимъ населеніемъ. Хотя союзы государствъ потому именно и устанавливають свою связь на основѣ конституціи, а не международ-наго трактата, что они стремятся къ длящейся связи, однако опытъ исторіи показываетъ, что конфедераціи недолговѣчны и переходять въ болѣе тѣсныя федераціи. Сѣверо-американская конфедерація просуществовала

всего 11 лѣтъ (1776—1787), послѣ чего разьединенные штаты превратились въ штаты соединенные на федеративныхъ началахъ. Установленный Вѣнскимъ конгрессомъ въ 1815 г. конфедеративный Германскій союзъ спустя 51 годъ превратился въ федерацію. То же самое произошло и со Швейцаріею въ 1848 году.

Федерація или союзное государство—это, такъ сказать, двойное государство. Внутри одного большого государства находится нѣсколько маленькихъ. Отъ конфедерации она отличается тѣмъ, что въ ней не части опредѣляютъ цѣлое путемъ, какъ сказать, сложения, а, напротивъ, цѣлое опредѣляетъ части. Такъ, напримѣръ, Сѣверо-Американскіе Штаты образовались не волею отдѣльныхъ штатовъ, а волею всего американскаго народа. Далѣе, въ конфедерации центральная власть обязываетъ только государства союза, въ федераціи же эта власть обязываетъ и государства и ихъ подданныхъ. Сообразно съ этимъ въ федераціи по большей части все двойное: и законодательство, и правительство, и представительство, и финансы, и подданство. Типичныя федераціи—Сѣверная Америка, Швейцарія и Германія. Нынѣшняя Германская имперія—это федерація 25 государствъ, образующихъ въ своей суммѣ 26-ое. Замѣчаніе нѣмецкаго ученаго О. Майера, что на головѣ Германіи находится вѣнокъ изъ коронъ, не совсѣмъ вѣрно, ибо въ составъ этихъ 25 государствъ входятъ 3 республики (Гамбургъ, Бременъ, Любекъ), да и сама имперія, какъ таковая, признается какъ бы республикою—но съ наслѣдственнымъ президентомъ въ лицѣ прусскаго короля

23. Имперіализмъ.

Отъ федерализма слѣдуетъ отличать имперіализмъ. Федерализмъ — это стремленіе самостоятельныхъ госу

дарствъ къ соединенію и образованію или союзнаго государства, или союза государствъ. Имперіализмъ—это стремление одного государства къ господству надъ другими и даже къ ихъ поглощенію съ цѣлью образованія міровой державы. Всякій имперіализмъ стремится къ тому, чтобы слово „государство“ не склонялось во множественномъ числѣ и чтобы на землѣ весь родъ людской чтилъ одинъ кумиръ священный, именно его вселенскую, міродержавную власть. Цѣль имперіализма—на землѣ миръ и въ чловѣцѣхъ благоволеніе. Средство—война. Въ этомъ его парадоксъ. Въ этомъ же и источникъ его неудачъ. Имперіализмъ бываетъ или экономическій, или религіозный, или политическій.

Экономическій имперіализмъ нуждается не въ новыхъ подданныхъ или прозелитахъ, а въ новыхъ колоніяхъ и рынкахъ. Программу его можно найти уже во Второзаконіи Моисея: „и ты будешь давать займы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать займы и господствовать будешь надъ многими народами, а они надъ тобою не будутъ господствовать“. Эту программу въ древности пытались осуществить такія страны, какъ, на примѣръ, Финикія или ея колонія Карѳагенъ. Тиръ, накопившій, по словамъ пророка Захаріи, золото, какъ уличную грязь, кончилъ всетаки тѣмъ, что, по словамъ другого пророка Іезекіиля, погибъ смертью догола ограбленнаго, сталъ мѣстомъ мертвой тишины посреди моря; и „купцы другихъ народовъ злорадно посвистѣли“. Карѳагенъ былъ поглощенъ Римомъ: все, купленное золотомъ, было взято булатомъ. Въ средніе вѣка никакого экономическаго имперіализма быть не могло вслѣдствіе отсутствія крупной промышленности и торговли и отрицательнаго отношенія господствовавшаго тогда религіознаго имперіализма къ торжникамъ и собирателямъ сокровищъ на землѣ; золото если не фактически, то принципиально считалось не благороднымъ, а пре-

зрѣннымъ металломъ; и раздача накопленнаго богатства считалась его наилучшимъ употребленіемъ, предотвращающимъ богача отъ положенія верблюда передъ игольнымъ ушкомъ. Экономическій имперіализмъ оживился только послѣ того, какъ Колумбъ, искавшій Индію, нашель Америку, а въ ней цвѣтныхъ людей съ золотыми кольцами на рукахъ, ногахъ, въ ушахъ и въ носу. Явился соблазнъ заморскихъ владѣній съ золотымъ краемъ („Эльдорадо“), колоніями, рынками. Цивилизація, бывшая когда-то только рѣчною, а затѣмъ морскою, стала океаническою. И золото потекло по міровымъ путямъ. Явилась жажда злата, стремленіе копить злато до конца, вѣрнѣе, безъ конца. И государства начали его копить. Ученые „меркантилисты“ стали уподоблять золотыя монеты, обращающіяся въ странѣ, кровянымъ шарикамъ, сообщающимъ организму жизнь. Меркантильные политики всѣми правдами и неправдами („финансами“, что еще въ XVII вѣкѣ означало уловки) стремились къ экономическому полнокровію своихъ государствъ цѣною малокровія другихъ странъ. Появилась таможенная конкуренція, и начались таможенные войны. Крайнее развитіе капитализма въ XIX вѣкѣ повело за собою такое же развитіе экономическаго имперіализма въ наиболѣе сильныхъ своею промышленностью и торговлею странахъ—главнымъ образомъ въ Англіи (превратившейся изъ Великой Британіи въ „Большую Британію“), и Германіи. Особенно поразительно необыкновенно быстро наступившее экономическое полнокровіе Германіи послѣ того, какъ она въ 1871 г. закончила войну съ Франціею, закончила съ аннексіею (Эльзасъ и Лотарингія) и контрибуціею (5 миллиардовъ). Явилось стремленіе къ міровымъ рынкамъ для сбыта и колоніямъ для сырья. Міръ сталъ тѣсенъ. И разразилась кровопролитнѣйшая война, объявленная Германіею, т. е. страною, выработавшею у себя первую въ мірѣ военную промышленность, для

которой война есть торговое предприятие, которое должно себя окупить.

Религиозный империализмъ появился въ средніе вѣка, отчасти вмѣстѣ съ кораномъ, проповѣдовавшимся дрожащей твари и иногда развертывавшимъ знамя священной войны, отчасти же и главнымъ образомъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, получившимъ вселенскій размахъ еще въ рамкахъ всемірной имперіи языческаго Рима. Мечта галилейскихъ подданныхъ римскихъ кесарей о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ сдѣлалась руководящимъ принципомъ римскихъ папъ, ставшихъ во главѣ католической церкви. Въ средние вѣка явилась мысль о томъ, что папы на всемъ свѣтѣ владѣютъ обоими мечами—духовнымъ и свѣтскимъ. И дѣйствительно было время, когда они распоряжались престолами, грозили отлученіемъ цѣлымъ государствамъ, однихъ монарховъ провозглашали безземельными, другимъ предоставляли земли обѣтованныя. И когда католическіе монархи не могли подѣлится между собою новооткрытой Америки, именно папы провели „маркаціонную“ и „демаркаціонную“ линіи. Но расколъ самого папства въ XV вѣкѣ и протестъ противъ него въ XVI вѣкѣ сильно пошатнули его империализмъ. Онъ окончательно былъ поколебленъ конституціонными порядками новаго времени, провозгласившими свободу вѣры и даже невѣрія, значить, также свободное соревнованіе церквей и вѣроисповѣданій. Приведеть ли это къ опытамъ новаго религиознаго империализма, покажетъ будущее, чреватое всякими неожиданностями вообще и особенно по отношенію къ такой таинственной области, какъ вѣра и религія. Если правъ былъ Катрфажъ, увѣрившій, что человекъ—это существо религиозное, и Робеспьеръ, доказывавшій, что „атеизмъ аристократиченъ“, то расцвѣтъ демократіи, чего добраго, приведетъ къ какой-то новой теократіи. Многимъ кажется, что современный социализмъ

является какъ бы новою вѣрою, даже новымъ мѣомъ для демократическихъ массъ, нашедшихъ въ Марксѣ своего Моисея и Исаію, а въ его „Капиталѣ“ свою Библию, свое вѣроученіе и нравоученіе. И призывъ къ пролетаріямъ всѣхъ странъ объединиться во имя общаго социального догмата тогда звучитъ, какъ призывъ къ своеобразному религіозному имперіализму международнаго и даже вселенскаго размаха.

За коммивояжеромъ и миссіонеромъ слѣдуетъ солдатъ и чиновникъ И экономической, а также церковный имперіализмъ, завершаются имперіализмомъ политическимъ, который является вершиною и прототипомъ всякаго вообще имперіализма и посему нерѣдко приступаетъ къ своему дѣлу, совсѣмъ не считаясь ни съ экономикою, ни съ религіею. Плодомъ политическаго имперіализма явились болѣе или менѣе обширныя и долговѣчныя имперіи. Начало, и притомъ не особенно удачное, было положено на азіатскомъ востокѣ Ассиріею и Вавилоніею. Имперіалисты этихъ странъ пронесли по чужимъ владѣніямъ, какъ опустошительный ураганъ, собирая плѣнныхъ, какъ песокъ. Но и все ихъ политическое дѣло оказалось такъ же зыбкимъ, какъ и песокъ. Какъ замѣтилъ пророкъ Іеремія, Вавилонъ сталъ „грудю развалинъ, жилищемъ шакаловъ, предметомъ ужаса и посмѣянія“. А о Ниневіи другой пророкъ Софонія замѣтилъ: „всякъ, проходя мимо, посвиститъ и махнетъ рукою“; когда греческій писатель Ксенофонтъ проходилъ со своимъ отрядомъ черезъ бывшую Ниневію, онъ объ этомъ даже и не упомянулъ въ своемъ путевомъ дневникѣ. Нѣсколько прочнѣе былъ болѣе миролюбивый имперіализмъ „великихъ царей“ древней Персіи, а также Александра Македонскаго и его діадховъ. Хотя учитель Александра Аристотель считалъ нормальнымъ и идеальнымъ государствомъ городъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ семействъ, однако, его ученикъ превзошелъ его

широтою, если не научнаго, то политическаго горизонта. И силою оружія онъ образоваль, если и не міровую, то обширную державу, объединившую и всѣ мелкія греческія государства, и македонскій сѣверъ, и малозіатскій востокъ, и египетскій югъ. Въ предѣлахъ этой обширной державы возникла и широкая культура—эллинистическая, въ которой европейскія начала соединились съ азіатскими, причемъ центръ соединенія былъ въ Африкѣ, въ Египетской Александріи; такое rendez-vous культуръ подготовило почву для распространенія христіанства.

Но первыми настоящими политическими имперіалистами были древніе римляне, поглотившіе всю эллинистическую державу вмѣстѣ съ рядомъ другихъ провинцій и видѣвшіе свое специальное призваніе въ міровой политикѣ: „пусть другіе занимаются наукою, искусствомъ, философіею—писаль *Виргилій*,—ты же, римлянинъ, памятуй о власти надъ народами“. И это призваніе было выполнено. Если не считать открытыхъ значительно позже материковъ и той варварской массы, которая колыхалась за римскими позиціями на Рейнѣ и Дунаѣ, то можно сказать, что Римъ образоваль всемірную имперію, въ предѣлахъ которой и водворился „римскій миръ“ (pax romana). Выражаясь словами Майкова,

Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ челоуѣкѣ разумъ: міру
Законы далъ и миръ скрѣпилъ.
Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли.
И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

Городъ Римъ, бывшій когда-то такимъ же государ-

ствомъ-городомъ, какъ и древнія Аѳины, превратился въ столицу міра, въ которую стали вести всѣ дороги. И римское оружіе долго сдерживало напоръ варваровъ. Но напоръ былъ слишкомъ силенъ, и римскій политическій колоссъ палъ.

Однако, вмѣстѣ съ нимъ далеко не палъ также и римскій имперіализмъ. Онъ возродился, ибо варвары вообразили себя римлянами и стали увѣрять, что они живутъ не въ феодальныхъ государствахъ, а въ римской имперіи. Правда, это была только священная римская имперія германской націи, а впоследствии даже только Австріи. И хотя Вольтеръ справедливо замѣтилъ, что то была и не священная, и не римская, и не имперія, тѣмъ не менѣе Австрія до начала XIX вѣка не разставалась съ этою политическою химерою, побуждавшею многихъ объяснять смыслъ гласныхъ буквъ латинскаго алфавита (AEIOU), какъ призваніе Австріи къ міродержавной власти (*Austriae Est Imperare Orbi Universo*).

Рядомъ со священной римскою имперіею запада Европы, и не признавая ее имперіею, цѣлую тысячу лѣтъ, именуемую средними вѣками, существовала на востокѣ византійская имперія, считавшая себя вторымъ Римомъ, міродержавнымъ не менѣе, чѣмъ первый. Но къ половинѣ XV вѣка отъ этой державы остался только городъ Константінополь, ставшій достояніемъ турокъ въ 1453 г. Зато тогда у насъ на Руси отчасти подъ вліяніемъ византійскихъ бѣженцевъ, явилось ученіе о Москвѣ, какъ о третьемъ и, какъ думали, уже послѣднемъ, тоже міродержавномъ Римѣ. Съ перенесеніемъ нашей столицы на берега пустынныхъ волнъ всероссійскій политическій имперіализмъ получилъ еще большій размахъ, и Россія стала имперіею.

Деятнадцатый вѣкъ далъ имперіализмъ Наполеона, приглашавшаго сорокъ тысячъ вѣковъ взирать съ египетскихъ пирамидъ на его войска, которымъ пришлось

побывать и въ Итали, и въ Саксоніи, и въ Испаніи, и въ Москвѣ. Благодаря ему Франція изъ республики превратилась въ имперію и далеко вышла за свои естественныя границы. Но затѣмъ, переставъ быть имперією, она вернулась къ нимъ. А послѣ второй имперіи (Наполеона III, увѣрявшаго, что имперія—это миръ) она даже утратила Эльзась и Лотарингю. Тогда же (1871) побѣдительница Франціи Пруссія, незадолго до этого побѣдившая Данію (1864) и Австрію (1866), образовала Германскую имперію, тяготѣющую къ мировой политикѣ и мировой власти (Weltpolitik, Weltmacht) и продолжающую традиционный натискъ на славянскій востокъ. Въ связи съ этимъ нарушился сначала извнѣ, а потомъ и внутри „русскій миръ“, для сущихъ въ немъ языковъ по-своему осуществлявшій функцію древняго „римскаго мира“. И дальнѣйшая участь бывшей всероссійской имперіи зависитъ отъ того, встрѣтитъ ли тяжкій млатъ судьбы стекло или булатъ на огромномъ пространствѣ отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды и даже далѣе.
